

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

**ВЕНЕДИКТ
ЕРОФЕЕВ**

И О ВЕНЕДИКТЕ
ЕРОФЕЕВЕ

Интервью, статьи, письма, документы

18+

Коллектив авторов

**Венедикт Ерофеев и о
Венедикте Ерофееве**

«НЛО»

2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)64

Коллектив авторов

Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве / Коллектив
авторов — «НЛО», 2022

ISBN 978-5-44-481662-2

Венедикт Ерофеев – одна из самых загадочных фигур в истории неподцензурной русской литературы. Широкому читателю, знакомому с ним по «Москве – Петушкам», может казаться, что Веничка из поэмы – это и есть настоящий Ерофеев. Но так ли это? Однозначного ответа не найдется ни в трудах его биографов, ни в мемуарах знакомых и друзей. Цель этого сборника – представить малоизвестные страницы биографии Ерофеева и дать срез самых показательных работ о его жизни и творчестве. В книгу вошли материалы, позволяющие увидеть автора знаменитой поэмы из самых разных перспектив: от автобиографии, написанной Ерофеевым в шестнадцатилетнем возрасте, архивных документов, его интервью и переписки до откликов на его произведения известных писателей (Виктора Некрасова, Владимира Войновича, Татьяны Толстой, Зиновия Зиника, Виктора Пелевина, Дмитрия Быкова) и статей критиков и литературоведов, иные из которых уже успели стать филологической классикой. Значительная часть материалов и большая часть фотографий, вошедших в сборник, печатается впервые. Составители книги – Олег Лекманов, доктор филологических наук, профессор школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, и Илья Симановский, исследователь биографии и творчества Венедикта Ерофеева.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)64

ISBN 978-5-44-481662-2

© Коллектив авторов, 2022

© НЛО, 2022

Содержание

От составителей	6
Венедикт Ерофеев...	8
Автобиография Венедикта Ерофеева, написанная при поступлении в МГУ (1955 год)[2]	8
«Василий Розанов глазами эксцентрика»	9
Илья Симановский, Светлана Шнитман-МакМиллин	16
Интервью для телепередачи «Пятое колесо»[129]	32
«Москва – Петушки» (туда и обратно)[150]	37
Интервью польским кинематографистам[175]	42
Интервью Павлу Павликовскому (Фильм «Москва – Петушки») [216]	47
...и...	50
Орехово-Зуево	50
Венедикт Ерофеев – адресант и адресат[252]	55
Переписка с Вадимом Делоне и Ириной Белогородской- Делоне	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве. Сборник

От составителей

Автор поэмы «Москва – Петушки» Венедикт Васильевич Ерофеев (1938–1990) – одна из самых загадочных фигур в исключительно богатой загадочными личностями истории неподцензурной русской литературы второй половины прошлого столетия.

Ни в малой степени не претендуя здесь на раскрытие загадки Ерофеева, мы попытались распределить материалы сборника по разделам таким образом, чтобы у читателя была возможность увидеть автора поэмы с разных сторон и в разной подсветке.

Первый раздел («Венедикт Ерофеев...») составлен из нескольких набросков к ерофеевскому автопортрету. Открывается раздел автобиографией, написанной Ерофеевым в шестнадцатилетнем возрасте, а продолжается – расшифровкой его устного выступления на квартирном вечере у Александра Кривомазова и текстами пяти интервью писателя – Дафни Скиллен, Павлу Павликовскому, польским кинематографистам и Леониду Прудовскому (два интервью).

Второй раздел («...и...») включает документы из архива Орехово-Зуевского педагогического института, в котором Ерофеев учился в 1959–1960 годах, и его переписку. В отправленных и полученных письмах автор «Москвы – Петушков» раскрывается сам и предстает увиденным глазами любивших его женщин – Валентины Ерофеевой, Галины Ерофеевой и Яны Щедриной, а также друзей и приятелей – Вадима Делоне, Ольги Седаковой, Михаила Генделева, Вадима Тихонова. Особняком стоит обмен письмами с переводчицей Эржебет Вари, в которых большей частью обсуждается текст «Москвы – Петушков». Подчас не менее интересный материал для историка литературы и читателя представляют приложения к некоторым письмам. Так, Ольга Седакова специально для сборника написала короткие воспоминания о своей попытке опубликовать в СССР «Цветочки святого Франциска Ассизского» (история, упоминаемая в ее письме к Ерофееву); кроме того, мы помещаем в сборнике наиболее полный вариант наброска «любимого первенца», Вадима Тихонова, к так и не написанному им тексту, посвященному дружбе с Венедиктом Ерофеевым.

Большая часть материалов первых двух разделов и большая часть фотографий печатаются впервые. В комментариях и вступительных заметках к этим материалам приводятся отрывки из никогда не публиковавшихся интервью с друзьями и знакомыми Ерофеева.

Наконец, в третьем, самом обширном разделе этого сборника («...о Венедикте Ерофееве»), автор «Москвы – Петушков» увиден глазами профессионально пишущих людей. Раздел составлен из откликов на произведения Ерофеева известных писателей (Виктора Некрасова, Владимира Войновича, Татьяны Толстой, Зиновия Зиника, Виктора Пелевина, Дмитрия Быкова) и статей критиков и литературоведов. Некоторые из них уже успели стать филологической классикой, часть печатается впервые. Тексты расположены в хронологии их первых публикаций. К сожалению, трудности с авторским правом не позволили нам включить в третий раздел все статьи западных исследователей о Ерофееве, которые первоначально планировались к републикации. Мы сожалеем и о невозможности по той же причине поместить в сборнике текст Сергея Довлатова о «Москве – Петушках»¹.

Составители выражают сердечную благодарность всем, кто помогал им советами и замечаниями, особо выделив из этого обширного списка Ирину Дмитриевну Прохорову, Марка

¹ Желаящие, впрочем, могут пока прочитать его здесь: «Алфавит инакомыслия». Венедикт Ерофеев. 2017. 16 апреля // Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/28434575.html> (дата обращения: 25.09.2021).

Наумовича Липовецкого, а также Галину Анатольевну и Венедикта Венедиктовича Ерофеевых, предоставивших для публикации материалы из домашнего архива Венедикта Ерофеева.

Венедикт Ерофеев...

Автобиография Венедикта Ерофеева, написанная при поступлении в МГУ (1955 год)²

Этот документ был обнаружен филологом Юлией Красносельской, которая по нашей просьбе изучила личное дело Венедикта Ерофеева в архиве Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Ф. 8. Оп/л. (9). Ед. хр. 1286). Мы же сопровождаем текст кратким комментарием.

Вероятно, это первая автобиография из нескольких, написанных Ерофеевым. Особо отметим содержащийся в ней и ранее, кажется, неизвестный исследователям и читателям факт – дату вступления Ерофеева в комсомол, а также ту особенность текста автобиографии, что сознательные умолчания абитуриента Ерофеева о некоторых подробностях своей жизни едва ли не интереснее того, о чем он считал возможным рассказать.

Автобиография

Я родился 24 октября 1938 года на ст. Чупа Лоухского района Карело-Финской ССР³. Мой отец, Ерофеев Василий Васильевич, работает на железной дороге; мать, Ерофеева Анна Андреевна, – домохозяйка. В 1941 году вместе с семьей я был эвакуирован <со>т. Хибины Кировской ж.-д. в село Елшанка Ульяновской области⁴, где прожил до 1943 года. В 1943 г. <я>вн>овь приехал с семьей на ст. Хибины, где в сентябре 1945 года поступил в первый класс начальной школы. Затем два года жил на ст. Зашеек Кировской ж.-д.; здесь я учился во втором классе местной начальной школы. В 1947 году моя семья поселилась в городе Кировске Мурманской области⁵, где я учился с 3-го класса по 7-й в Кировской 6-й семилетней школе, а закончил десятилетнее образование в средней школе № 1 г. Кировска. В ноябре 1954 года я вступил в члены ВЛКСМ⁶.

В июне этого года я окончил десятый класс и получил аттестат зрелости.

² Публикация, подготовка текста, примечания и сопроводительная заметка О. Лекманова и И. Симановского.

³ На самом деле в роддоме, находившемся в пригороде Кандалакши (см. наст. изд., с. 543). В документах Ерофеева местом рождения указывалась станция Чупа (см., например, копию паспорта В. Ерофеева, выставленную на торги Аукционного дома «Литфонд» 24.11.2016 г.; на 10.08.2021 доступна по ссылке: <https://www.litfund.ru/auction/33/326/>).

⁴ В Ульяновской области существуют три села с названием Елшанка. Родное село семьи Ерофеевых (родители Венедикта Ерофеева уехали из Елшанки на север России в середине 1920-х годов) расположено в Николаевском районе, примерно в 70 км от Сызрани.

⁵ На самом деле в 1947 году отец Венедикта Ерофеева, Василий Васильевич, и самый старший брат, Юрий Ерофеев, отбывали срок в исправительно-трудовых лагерях (в Архангельской и Вологодской областях соответственно), а мать Ерофеева в поисках заработка уехала в Москву, где жила без прописки до 1952 года. В результате этих несчастий Венедикт Ерофеев и был вынужден «поселиться в городе Кировске», а точнее в детском доме № 3, куда их с братом Борисом пристроила старшая сестра Тамара Васильевна Гущина (1925–2017), жившая в Кировске еще с 1944 года (см.: Шталь 2019. С. 55, 59, 62, 64, 65).

⁶ Это опровергает воспоминания сестры писателя, Нины Фроловой, утверждавшей, что «ни пионером, ни комсомольцем» Ерофеев не был («Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые». К 25-летию со дня смерти Венедикта Ерофеева // Знак. 2015. 12 мая). Также в архиве ВЛКСМ Ленинского района Москвы есть запись о принятом 13.09.1955 г. на комсомольский учет Ерофеева В. В., номер комсомольского билета – 48 692 107 (Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы». Фонд № П-4013, опись № 2, ед. хр. № 121, запись 1050).

«Василий Розанов глазами эксцентрика» Авторское чтение у Александра Кривомазова⁷

Воскресным вечером 30 марта 1980 года в однокомнатной квартире Александра Кривомазова⁸ (Москва, Каширское шоссе, д. 102, к. 2, кв. 248) прошел организованный им литературный вечер. В его первом отделении выступила с чтением стихов Галина Погожева⁹, а во втором Венедикт Ерофеев прочел эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» и ответил на вопросы слушателей. Три недели ранее (9 марта 1980 года) в той же квартире Ерофеев впервые публично читал поэму «Москва – Петушки». Магнитофонная запись и фотографии, сделанные Александром Кривомазовым на этом вечере, получили широкое распространение с конца 1980-х годов. Аудиопленка с записью второго вечера была найдена мной в домашнем архиве Александра Кривомазова осенью 2018 года и вскоре оцифрована. Здесь я впервые привожу прокомментированную расшифровку этой записи.

Александр Кривомазов не помнит, кто именно предложил ему устроить первый вечер Венедикта Ерофеева, но, судя по списку выступавших незадолго до него, это могли быть знакомые Ерофеева Слава Лён или Леонид Прудовский¹⁰. «Ерофеев к нам пришел один раз, и все признали, что это был роскошный вечер – „Москва – Петушки“. И мы с ним договорились, что он еще раз нас посетит, что-нибудь почитает», – рассказывает Кривомазов о том, как состоялось второе чтение¹¹. А Галина Погожева вспоминает:

Я сидела на письменном столе и болтала ногами. <...> В комнату притекали ученого вида молодые люди, типичные физики, худощаво-изможденные, большинство в свитерах и очках. <...> Все занимали места на стульях и стоявшей посреди комнаты большой тахте, грубо, но крепко сколоченной из каких-то палок. <...> На меня с любопытством поглядывали, но не очень. Все ждали какого-то Ерофеева, а он опаздывал, то есть всех задерживал. Кажется, не дождалось и велели уже мне приступить к чтению стихов. <...> И тут комната вдруг осветилась как будто синим. Я помню этот свет очей позже всех вошедшего человека, какого-то мятого, по мне, так и старого уже и, как говорят о женщинах, «со следами былой красоты», когда-то, наверно, высокого и стройного, теперь сутулящегося – а может, показалось, – он старался не мешать и пробирался в уголок, как зритель в зале, где уже начался спектакль <...> Когда он вышел к столу – сел на стул, конечно, не то, что я. И вот этот незнакомый, но будто сто лет знакомый человек с простой фамилией, которую я тогда сразу забыла, стал читать о каком-то неведомом мне Розанове, фамилию которого я как раз сразу запомнила. И это было ошеломляюще, дурманяще, как будто в воздухе разлились винные пары, хотя никто не пил. Или нет, вообще что-то необъяснимое, не вещество, но поле <...> Потом нас развозили по домам, но сначала выдали гонорар. Мне – банку клубничного варенья, а Ерофееву – две бутылки вина¹².

⁷ Публикация, подготовка текста, примечания и сопроводительная заметка И. Симановского.

⁸ Александр Николаевич Кривомазов (р. 1947), физик, фотограф, мемуарист.

⁹ Галина Юрьевна Погожева, поэтесса.

¹⁰ Слава Лён (настоящее имя – Владислав Константинович Епишин, р. 1937), литератор, Леонид Владимирович Прудовский (1946–1997), журналист.

¹¹ Интервью А. Кривомазова для документального фильма «Убытие» (реж. И. Малкин, ЧБк-фильм, 2020).

¹² Мемуар был написан Галиной Погожевой в феврале 2018 года для готовящейся биографии Венедикта Ерофеева (см.: Лекманов, Сврдлов, Симановский 2020. С. 337–338). Большая часть этого короткого текста до настоящего времени не

Я благодарю Александра Николаевича Кривомазова, предоставившего мне доступ к своему домашнему архиву, за его доброжелательное содействие. Хочу выразить восхищение энтузиазмом, смелостью и трудолюбием Александра Кривомазова, который в 1975–1982 годах провел у себя дома более трехсот литературных чтений¹³. В конце почти каждого вечера он просил участников оставить запись в альбоме. Эти автографы, вместе со сделанными Кривомазовым фотографиями и аудиозаписями вечеров, образуют архив, бесценный для исследователя советской неофициальной литературы. В частности, запись, сделанная Венедиктом Ерофеевым в альбоме Кривомазова 30 марта 1980 года, проливает свет на его литературные замыслы этого времени:

Венедикт Ерофеев.

У тебя (извини за ты) хороший и сдержанный во всех отношениях народ. Желание только вот какое: не мельчить читающих, чтоб не портить хорошо слушающих. Надеюсь в апреле прочесть «Историю еврейского народа», не оскорбив очень нервных юдофилов. В этой «Истории» о евреях будет столько же, сколько о вине в «Петушках», т. е. почти ничего и не о том.

30/III-80¹⁴

Также я приношу благодарности за помощь в работе Марку Гринбергу, Олегу Лекманову, Алексею Макарову, Льву Наумову, Галине Погожевой, Светлане Шнитман-МакМиллин, Екатерине Четвериковой и правозащитному обществу «Международный Мемориал».

Расшифровка аудиозаписи

Венедикт Ерофеев (далее – ВЕ): То есть был такой журнал «Вече». Который заказал нескольким людям что-нибудь написать о Розанове. Непременно статью о Розанове. И как можно более толковую. Я-то написал самую бестолковую из этих статей, но почему-то занял первое место¹⁵. А <за> первое место премия была такая: две бутылки по два семьдесят две¹⁶. Я схлопотал эту первую премию – и слава тебе господи. Потому что все остальные писали о Розанове так... об акциденции, об интерполяциях и черт знает еще о чем¹⁷. О трансформациях путей к Божеству и все такое. Но она всего на двадцать минут, так что я не очень отягощу¹⁸. «Василий Розанов глазами эксцентрика»¹⁹.

публиковалась.

¹³ Среди выступавших, кроме В. Ерофеева, были С. Липкин, В. Аксенов, Е. Рейн, А. Стругацкий, Е. Харитонов, Д. Пригов, Г. Сапгир, В. Берестов и другие. Архив А. Кривомазова выкладывается на сайте «Литературные вечера Александра Кривомазова» (<https://isiman.wixsite.com/krivomazov>).

¹⁴ Следующий визит Ерофеева к Кривомазову состоялся спустя два года, 13 марта 1982 года, и чтением произведений не сопровождался. Планами же написать сочинение на еврейскую тему Ерофеев делился в то время (1982 год), например, со Светланой Шнитман-МакМиллин (Гайсер-Шнитман): «В последние два года влез с головою, да и не только с головою, во все, что имеет хоть косвеннейшее отношение к еврейским судьбам (в самом безбрежном смысле этого понятия). Материалов скопилось столько, что хватило бы и на „фарс с летальным исходом“, что и обещал к нынешней весне, и на что-нибудь пообъемнее (я не о количестве страниц). Еврей т. е. должен пройти насквозь, хотя речь не только о них, да и вовсе не о них. Ну, допустим, как спиртное в „Москве – Петушках“» (Гайсер-Шнитман 1989. С. 22).

¹⁵ По всей видимости, история с якобы имевшим место конкурсом – вымысел Ерофеева. Во время написания эссе о Розанове Ерофеев жил в садовом домике Светланы Александровны Мельниковой, редактора журнала «Вече». В разговоре с Ерофеевым и Сергеем Куняевым Мельникова рассказывала о возникновении эссе так: «Когда мы с Венедиктом познакомились, естественно, зашла речь о его планах. Он сказал, что давно мечтает написать о Василии Розанове, и сразу выдал название: „Василий Розанов глазами эксцентрика“» (Куняев С. [Вторая часть последней беседы писателя] // День литературы. 2000. № 9–10 (май)).

¹⁶ См. примеч. 3 на с. 20.

¹⁷ Записи об акциденции и интерполяции встречаются в неопубликованных дневниках Ерофеева начала 1980 года и к Розанову отношения не имеют.

¹⁸ На самом деле чтение эссе продолжалось более сорока минут.

[Ерофеев читает эссе о Розанове по австрийскому альманаху *Neue Russische Literatur*²⁰.
Ниже приводятся две сделанные им по ходу чтения ремарки:

...Можно дозволить очищенный род проституции «для вдовствующих замужних», то есть для того разряда женщин, которые неспособны к единобрачию, неспособны к кривде, вместе крепости... (*осекается*) к кривде... Нет, «к правде» тут надо. А тут почему-то написали... В Австрии почему-то написали «кривда» вместо «правда», ну... <нрзб> (*смеется, общий смех*)²¹ ...к правде и крепости единобрачия²².

<...>

Значит – они кретины, а я – прирожденный идиот. Вернее, нет, мы разнимся, как слеза идиота от улыбки кретина, как понос от запоров; как моя легкая придура от их глубокой припизднутости (десять тысяч извинений). Они лишили меня вдоха и выдоха...²³ (*Делает ремарку.*) Очень хорошо на немецкий перевели эти прекрасные термины!²⁴ (*Общий смех.*)]

<пропуск в записи>

ВЕ: ...с вами иначе. Вы сколько экзаменов сдали уже? Я говорю: «Три экзамена сдал». – «Все на „отлично“?» Я говорю: «Все на „отлично“». – «Я слышал, что вы единственный первокурсник, который сдал все на „отлично“. У вас остался „фольклор“?» Я говорю: «Да, остался один только „фольклор“». – «Ну так вот, сдавайте на „отлично“ и уходите от нас... и покидайте и Владимир, и Владимирскую область»²⁵. (*Смех.*) Вот как он сказал. Это совсем не выдумка, это... И так действительно вышвырнули. «Покинуть пределы Владимира и Владимирской области»²⁶.

Слушательница: А почему?

ВЕ: Ну просто так. Я и задавать вопросов не стал... Просто покинуть – и всё.

Слушатель: А в том, что вы читали в прошлый раз, – там много фольклора от ваших друзей, с которыми вы работали? Вместе там... на кабеле...²⁷ Или всё ваше?

ВЕ: В какой? В «Петушках» то есть?

Слушатель: Да.

ВЕ: Да нет, все приходится за них выдумывать. Они сами-то не ахти какие выдумщики.

¹⁹ Было напечатано в июле 1973 года в самиздатском журнале «Вече» (№ 8) с названием «Василий Розанов глазами эксцентрика» (см.: Архив «Международного Мемориала». Ф. 158. Собрание документов Самиздата. Т. 28b. АС № 1665. Вече. № 8. С. 181–197; далее – «Вече»). В некоторых посмертных изданиях это название было снято.

²⁰ Эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» опубликовано в номере альманаха *Neue Russische Literatur* (далее – *NRL*) за 1978 год на русском (с. 9–18) и немецком (с. 179–190) языках.

²¹ В этом издании действительно напечатано «кривде» (Там же. С. 12).

²² Этот абзац в чтении Ерофеева имеет два отличия от текста, опубликованного в вышеуказанном издании: Ерофеев читает «дозвблить» вместо «дозволять»; и не читает «о высоте» во фразе «...неспособны к правде, высоте и крепости единобрачия» (Ерофеев 2019. С. 376).

²³ В книжном издании «сто тысяч извинений», а не «десять», как читает Ерофеев (Там же. С. 383).

²⁴ Ирония Ерофеева относится к переводу термина «придура» как *Wunderlichkeit* (странность), а «припизднутость» как *Herabgemindertheit*, которые вряд ли можно признать адекватными (*NRL*. С. 186). В иностранных изданиях своих произведений Ерофеев обращал пристальное внимание на подобные труднопереводимые места. Ср.: «Читаю итальянский перевод: нет у них слова „перегар“ – они переводят тем же *l'alcool*. Чучела нет, есть только пугало» (Ерофеев 2007. С. 335).

²⁵ Речь идет об отчислении Венедикта Ерофеева из Владимирского педагогического института в 1962 году. Под «фольклором» подразумевается экзамен по устному народному творчеству, на который Ерофеев по неуважительной причине не явился (Шталь 2019. С. 169).

²⁶ Ср. с интервью Ерофеева Ирине Тосунян: «На улице во Владимире ко мне подъехала черная „Чайка“, возвели меня на четвертый или пятый этаж какого-то здания: „Берегитесь, Ерофеев, всех людей, с кем вы знакомы, ждут неприятности. Даем двое суток на размышление и на то, чтобы вы покинули нашу область!“» (Ерофеев 2003. С. 512).

²⁷ Имеется в виду работа Ерофеева кабельщиком-симметрировщиком и кабельщиком-спайщиком, описанная им в поэме «Москва – Петушки».

Слушатель: Нет, да?..

ВЕ: Нет.

Слушатель: Значит, только полторы страницы – это их <текст>. «Серп и Молот – Карачарово».

ВЕ (со смехом): Да-да-да, вот, пожалуйста.

Александр Кривомазов (далее – АК) (кому-то): Это вы закрыли окно, нет?

Слушательница: Нет, не я.

АК: Это я закрыл, да? Я забыл... <неразборчивые разговоры>

Слушатель: По-моему, этот боснийский студент две пули <всадил?>. Ну, одну-то уж точно. По-моему, две²⁸.

ВЕ: Да ну, пусть, господи... Да, в конце концов, если придираться, то и Нерон не дожил до тридцати лет, вообще-то говоря²⁹. Если уж быть придирчивым. Тут же заранее рассчитано на то, что люди всё абсолютно знают. Поэтому правила игры чтут тоже.

Слушатель: Сколько времени вы писали эту вещь?

ВЕ: Да мне как заказали. Мне сказали: «К концу июня удавись, но напиши». Причем мало того, первую премию назначили-то мне... Вот этот вот журнал «Вече»... Две бутылки по два семьдесят две. А в это же время назначил мне свидание человек, который возглавлял журнал «Евреи в СССР», некто Воронель. И он сказал, что эту статью лучше дать ему, в его журнал³⁰. И сказал, что поставит мне две бутылки по рубль семьдесят две. Я сказал: «Ну уж, тут...» (смеется). Я сказал, что два по два семьдесят шесть все-таки лучше, чем два по рубль семьдесят две³¹. Русские совершенно объедали евреев. (Смех.) Самый шовинистический журнал «Вече»...

АК: Наверное, это <была> не единственная форма гонорара?

ВЕ: Они мне еще целую неделю давали кефир. (Смех.) Честное слово! Каждое утро я просыпался, у меня на столе был кефир. А что, прекрасный гонорар...³²

Слушатель: А что это за журнал «Вече»?

ВЕ: А «Вече» – он прикрыт. Прикрыт, и его главный редактор сейчас отбывает...

Слушатель: А он был открыт разве?.. (Общий смех.) Коль скоро он стал прикрыт?

Другой слушатель: Он был приоткрыт!

²⁸ Речь о фрагменте из ерофеевского эссе, где чтение Розанова по воздействию на жизнь автобиографического героя сравнивается с воздействием теракта Гаврилы Принципа на ход мировой истории: «Он исполнил функцию боснийского студента, всадившего пулю в эрцгерцога Франца Фердинанда» (Ерофеев 2019. С. 384). Поправка слушателя некорректна – Принцип действительно выпустил две пули, но в эрцгерцога Франца Фердинанда попала только одна, вторая же убила жену Франца Фердинанда, герцогиню Софию Гогенберг.

²⁹ На самом деле Нерон дожил до тридцати лет, однако во фрагменте эссе, касающемся Нерона, Ерофеев действительно существенно отходит от исторической правды. «До тридцати лет, после тридцати лет – какая разница? Ну что, допустим, сделал в мои годы император Нерон? Ровно ничего не сделал. Он успел, правда, отрубить башку у братца своего, Британика, но основное было впереди: он еще не изнасиловал ни одной из своих племянниц, не поджигал Рима с четырех сторон и еще не задушил свою маму атласной подушкой» (Там же. С. 388).

³⁰ Журнал «Евреи в СССР» издавался Виктором Яхотом и Александром Воронелем. В 1988 году Ерофеев рассказал в интервью телепередаче «Пятое колесо» несколько другую версию истории о якобы имевшей место конкуренции за эссе о Розанове между журналами «Вече» и «Евреи в СССР», в которой обе стороны предлагали ему за публикацию не спиртное, а «крышу над головой» (см. наст. изд., с. 61). По свидетельству Нины Воронель, речь о публикации эссе Ерофеева в этом журнале шла 28–29 декабря 1973 года, когда эссе о Розанове уже давно было напечатано в журнале «Вече». Подтверждаются эти даты и записями за соответствующие числа в дневнике Ерофеева (см. Воронель Н. Без прикрас: Воспоминания. М., 2003. С. 353–361; Ерофеев 2007. С. 92).

³¹ За 1 рубль 72 копейки в СССР можно было приобрести, в частности, aperitivy крепостью 18 % («Степной», «Сюрприз»), за 2 рубля 72 копейки – настойки крепостью 28 % («Восточная»). Названная Ерофеевым цена 2 рубля 76 копеек, вероятно, является оговоркой.

³² См. у Владимира Муравьева: «Он (Ерофеев. – И. С.) очень смешно и обстоятельно рассказывал, как ему предложили: мы тебе дадим на два летних месяца дачу, а ты пиши. Потом он приезжал и говорил: „Мне в окошечко давали бутылку кефиру и два куса хлеба на блюде“» (Ерофеев 2003. С. 578).

ВЕ (*смеется*): Да-да-да, вот примерно так. Во всяком случае, читателей было много в столице. Но он такой... слишком... *сугубо* антисемитский. Так что они... Та женщина, которая ведала этим журналом, например, приходила специально в мой домик в садике и спрашивала: «Авраам Линкольн – он, случайно, не еврей?» (*Смеется.*) Я ее переспрашивал: «Ну а Исаак Ньютон тогда <кто>?...»³³ (*Смех.*)

Слушательница: *С Исааком как раз <нрзб>.*

ВЕ: С Исааком просто, да?

Слушатель: *Да, это точно. Предположительно.*

ВЕ: Ну то есть блестящий был там народ. Путали всех. Они путали Бомарше с Жоржем Марше³⁴. (*Общий смех.*)

Слушатель: *И тех и других считали евреями?* (*Смех.*)

ВЕ (*смеясь*): И тех и других считали евреями.

Слушатель: *И долго их путали?*

ВЕ (*смеясь*): Долго. Так и остались в заблуждении своем³⁵. Одного из них я спросил: «Кто твой любимый русский поэт?» Он подумал-подумал и сказал: «Мартынов». А потом подумал-подумал и добавил: «И Дантес!» (*Общий смех.*)³⁶ Вот кто их любимые русские поэты.

Слушатель: *А сколько лет выходил этот журнал?*

ВЕ: Выходил долго, лет пять-шесть все-таки.

Слушатель: *Какие годы это были?*

ВЕ: Так... Посадили парня в семьдесят четвертом, ну, значит, вплоть по семьдесят четвертый год <журнал> и выходил³⁷.

Слушательница: *Ну, соответственно, минус шесть...*

Слушатель: *А начало?*

ВЕ: Ну а начало – примерно шестьдесят восьмой год.

Слушатель: *А в каком он виде выходил? Его печатали или...*

ВЕ: Машинописном. Чисто машинописном.

Слушатель: *И профессиональные писатели...*

ВЕ: И, вообще говоря, дурацкий журнал. Они хотели... Черт его знает, чего они хотели. Ну, например, передовая статья такая: «Не отдадим Курильские острова японцам»³⁸. (*Общий смех.*) Кто? С чего они взяли, что японцы хотят наши Курильские острова?³⁹ «Не отдадим ни за что Курильские острова»!

³³ Имеется в виду С. Мельникова. Ср. в записных книжках Ерофеева: «Установить для Мельниковой, был ли Дантес евреем, она мне за это полтинник даст» (Там же. С. 365). Также очевидна перекличка с песней ценимого Ерофеевым В. Высоцкого «Антисемиты» (1963) (*Высоцкий В. Сочинения: В 2 т. Т. 1.* Екатеринбург, 1997. С. 50).

³⁴ Жорж Луи Рене Марше (1920–1997), французский политический и государственный деятель. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1972 по 1994 год. Ср. в записной книжке Ерофеева 1977 года о Вадиме Тихонове: «Вадя путает ондатру с Клеопатрой, Марше и Бомарше» (Ерофеев 2007. С. 301).

³⁵ Ср. в «Москве – Петушках»: «<О>н был серьезно убежден, что это и есть „пить на брудершафт“, он так и умер в своем заблуждении» (Ерофеев 2003. С. 164).

³⁶ Подразумевается не поэт Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980), а убийца Лермонтова Николай Соломонович Мартынов (1815–1875). Ср. в пьесе «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1985): «Доктор. <...> И под кого вы пишете? Кто ваш любимец? / *Гуревич.* Мартынов, конечно... / *Зианда Николаевна.* Леонид Мартынов? / *Гуревич.* Да нет же, – Николай Мартынов... И Жорж Дантес» (Ерофеев 2003. С. 230).

³⁷ Журнал «Вече» выходил с 1971 по 1974 год, главным редактором всех номеров, кроме последнего, был Владимир Николаевич Осипов (1938–2020). 28 ноября 1974 года Осипов был арестован, а затем осужден за издание журналов «Вече» и «Земля» на 8 лет строгого режима (*Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы. М., 2003. С. 444–445, 481).

³⁸ Статья А. Иванова (Скуратова) «Против притязаний партий Японии на Курилы» опубликована в том же номере журнала, что и эссе Ерофеева о Розанове (Вече. С. 6–23).

³⁹ Возможно, именно это вдохновило Ерофеева на сюжет с «продажей» Курильских островов одним из сумасшедших в пьесе «Вальпургиева ночь, или Шаги командора»: «*Прохоров.* Так скажи мне и всему русскому народу: когда этот душегуб был схвачен с поличным, за продажей на Преображенском рынке наших Курил? / *Алеха.* Позавчера. / <...> *Прохоров.* Итак, мы

АК: *То, что японцы хотят, они могли с чего-то взять... А то, что, допустим, мы хотим их отдать, это они действительно взяли зря. Хотеть-то они могут...*

ВЕ: Ну а почему же главреда посадили за это? (Смех, голос: «Его, наверное, не только за это!») Может, надо было отдать? (Общий смех.) Совершенно непонятно».

Реплики нескольких слушателей:

– В то время, возможно, и да. В то время, возможно, были планы и отдать...<нрзб>

– Ну, его не только за это посадили. Это уже другой разворот (?)

– Ну и вообще, даже если бы и был общий план с самого начала не отдавать... то все равно не надо об этом заявлять.

ВЕ: Да, конечно... Промолчали бы в тряпочку... (Со смехом): Курильские острова...

Слушатель: *Теперь понятна форма и размер гонорара.*

ВЕ: Какого гонорара?

Слушатель: *Вашего.*

ВЕ: Колоссальный гонорар.

Слушатель: *Да я и говорю, теперь понятно, <когда> описан журнал.*

Второй слушатель: А уже нет надежды, так сказать, возрождения?... (Общий смех.) Он большой срок, что ли получил, да? (Все смеются, голос: «Он выйдет, не захочет. И правильно сделает»).

ВЕ: Восемь плюс пять⁴⁰. Всего-то-навсего.

Слушатель: *За это, да?*

ВЕ: Да, только за это.

Слушатель: *И отбывает на Курильских островах неотданных?*

ВЕ: Нет, как раз под Ленинградом <нрзб>⁴¹.

Слушатель: *Подальше от Курильских островов. (Смех.)*

ВЕ: Возрождение... Да там... Сейчас, слава богу, хватит и остальных журналов. За морем выходит столько русских журналов, что... Пруд пруди. По-моему, все регулярно получают или нет?... (Общий смех.)

Слушатель: *Или нет! (Смех.)*⁴²

Другой слушатель: *Венедикт Васильевич, может быть, еще что-нибудь почитаете?*

ВЕ: Да у меня с собой-то ведь ничего нет.

Слушатель: *Только вот это, да?*

ВЕ: Ну вот это вот, австрийское, *Neue Russische Literatur*.

Слушатель: *Но там же еще <что-то есть>, такая толстая книжища...*

ВЕ: А там плохие стихи Лёна⁴³.

Слушатель: *А-а-а-а... Это... Ваше – только вот это. Понял.*

ВЕ: То есть там параллельно на русском и на немецком. Дряни он понапихал туда тоже вволю⁴⁴.

в клубе знатоков: что? где? почему? Так почему нынче Курильские острова? Итуруп – за бутылку андроповки и в рассрочку? Кунашир – почти совсем за просто так...» (Ерофеев 2003. С. 234).

⁴⁰ Скорее всего, подразумевается строгий административный надзор после отбытия срока (разновидность ссылки). На самом деле Осипов находился под строгим административным надзором в течение трех лет (Осипов В. Дубравлаг. М., 2003. С. 115, 192–193).

⁴¹ Возможно, Ерофеев использует старые сведения: весной 1979 года осужденный В. Осипов недолго лежал в ленинградской больнице с плевритом, однако затем продолжал отбывать срок в поселке Барашево в Мордовии (Там же. С. 120–122, 129).

⁴² Журналы, издаваемые русскими эмигрантами за рубежом, – «Континент», «Эхо» (Echo) и другие, наряду с самиздатом, ходили в советской интеллигентской среде. Обладатель таких журналов подвергал себя риску преследований и даже тюремного срока. Ерофеев читал эти журналы и делал из них многочисленные выписки в дневниках. См., например, выписки из журнала «Эхо» (№ 2. 1978) в записной книжке Ерофеева 1978 года (Ерофеев 2007. С. 466, 467).

⁴³ Слава Лён наряду с Р. Циглер и Г. Мейером был одним из составителей и редакторов *NRL*. Эссе Ерофеева попало в альманах именно благодаря ему.

⁴⁴ Не вдаваясь в догадки, чьи именно произведения Ерофеев отнес к «дряни», «напиханной» Лёном, перечислю авторов,

АК: Вопросы иссякли? (*Голос: «Да!»*) У меня есть предложение: именно сегодня, если только слушатели наши не против, где-то вот сейчас, скажем, вечер и кончить. Потому что, с одной стороны, завтра у многих рабочий день. С другой стороны, просто я сегодня, открою свой секрет, зван на день рождения. (*Голос: «Прекрасно...»*) Поэтому, если можно, я бы еще успел туда, скажем... (*Голос: «На здоровье!»*)

ВЕ: Даже так? Давно бы и сказал, все бы уже разбежались. (*Смех.*)

Илья Симановский, Светлана Шнитман-МакМиллин **Венедикт Ерофеев в беседе с Дафни Скиллен**

Краткое предисловие к публикации

Илья Симановский. Работая с О. Лекмановым и М. Свердловым над расширенным изданием биографии «Венедикт Ерофеев: посторонний», я обратил внимание на то, что в одной из дневниковых записей Ерофеев упоминает «магнитофонное интервью», которое летом 1982 года он дал своей знакомой, называемой им «британка Дафния». О таком интервью Ерофеева я ничего не знал – очевидно, оно никогда не было опубликовано. Надежда отыскать кассету меня взволновала – тем более что это была возможность оцифровать и сохранить настоящий голос писателя, записей которого осталось ничтожно мало. Определение «настоящий» я употребил неслучайно. Предложения об интервью посыпались на Ерофеева лишь в последние два года его жизни, когда он, больной раком горла, уже потерял свой очаровывавший современников баритон и разговаривал при помощи специального аппарата. Было понятно: если кассета почти за сорок лет не исчезла и не испортилась – она бесценна. Но сначала требовалось отыскать хозяйку записи, которая интересовала меня не меньше. В записной книжке Ерофеева я нашел настоящее имя «британки Дафнии»: *Daphne Skillen*, и Google, к моей радости, выдал мне целый ряд ее публикаций – Дафни оказалась известной журналисткой. На email, указанный в одной из ее статей, я немедленно отправил письмо. Несколько стесняясь своего искреннего пафоса, я написал, что если кассета с интервью сохранилась, то его публикацией Дафни окажет большую услугу русской культуре, и что я хотел бы взять у нее интервью о Ерофееве. Ответ пришел быстро – Дафни охотно соглашалась поговорить со мной по «Скайпу»⁴⁵, а также обещала поискать кассету. По ее словам, много лет назад она передала эту запись ученому, который писал о Ерофееве диссертацию. И тут действие этой почти детективной истории переносится в Лондон.

Светлана Шнитман-МакМиллин. Я познакомилась с Дафни Скиллен осенью 1983 года, когда Арнольд МакМиллин, мой (тогда будущий) муж, профессор литературы Лондонского университета, предложил представить меня аспирантке, которая встречалась с Венедиктом Ерофеевым. В то время я только приступала к работе над диссертацией, превращенной позднее в монографию «Венедикт Ерофеев „Москва – Петушки“, или The rest is silence»⁴⁶. Мы встретились с Дафни в пабе The Lamb, который часто посещал живший на соседней улице Чарльз Диккенс. Чрезвычайно живая, смешливая и полная интересных историй Дафни очень понравилась мне. За джином с тоником она рассказывала о своем знакомстве с Венедиктом Ерофеевым, и кое-что из ее рассказов я включила в свою книгу. Потом мы не виделись много лет, но в последние годы иногда встречались на докладах в университете и других организациях.

29 мая 2019 года я получила от Дафни письмо, где она просила меня вернуть ей кассету с ее интервью Венедикта Ерофеева, данную мне 36 лет назад в пабе The Lamb. В полном изумлении я ответила, что я не только не получала от нее кассеты, но даже не подозревала о существовании такой записи. Я была поражена и очень просила ее поискать в своих закромах, так как значение такого интервью переоценить невозможно. Проведя следующий день в

⁴⁵ См.: Скиллен Д. «Он искал неподдельность». Английская подруга Венедикта Ерофеева / Беседу вел Илья Симановский // «Радио Свобода». 2019. 17 августа. <https://www.svoboda.org/a/30110612.html>.

⁴⁶ Гайсер-Шнитман 1989.

неутихающем беспокойстве, я наконец увидела в своей почте письмо: Дафни нашла кассету у себя! Оказалось, что после нашего первого знакомства она собиралась отдать мне запись, но в занятой жизни намерение как-то обратилось в ее сознании в уверенность, что она передала мне интервью. В огромной радости и возбуждении я сразу сказала Дафни, что его нужно опубликовать. Она немедленно согласилась, понимая важность интервью для литературного наследия писателя. Но вначале она хотела послушать его, а магнитофона у нее больше не было. Мы договорились, что через несколько дней Дафни приедет в университет, где я устраивала «круглый стол», посвященный 50-летию написания «Москвы – Петушков», и даст мне кассету, которую мы сможем вместе послушать на нашем стареньком магнитофоне. Она просила не слушать запись до ее приезда к нам домой. Мы все очень беспокоились, что кассета может быть повреждена. Перед приездом Дафни я дважды проверила магнитофон. Он работал. Но когда, весело пообедав, мы уселись на диване и я вставила кассету, магнитофон закрутился, охнул и испустил дух. Арнольд и Дафни приняли это с британским стоицизмом. Моему разочарованию не было конца. Немедленно схватив компьютер, я заказала по интернету новый магнитофон, который мне доставили поздно вечером на следующий день. Я включила его, поставила кассету, и через несколько секунд в комнате зазвучал удивительной красоты баритон и милый смех Венедикта Ерофеева. Не выпуская магнитофона из рук, я, не отрываясь, прослушала интервью дважды с чувством, что в лондонской ночи со мной происходит настоящее чудо. Той же ночью я написала два письма: Дафни – чтобы сообщить ей счастливую весть о сохранности кассеты. И Илье Симановскому – с тем же известием и попросив его участвовать в публикации этого интервью. Я отдавала себе отчет в том, что оно всплыло только благодаря его неутомимой энергии в поиске материалов о писателе. И, конечно, я понимала, насколько его глубокое знание биографии Ерофеева будет неоценимо при написании сносок и комментариев к этой публикации. К моей радости, Илья сразу согласился.

В университетском медиацентре⁴⁷ я попросила наших компьютерщиков оцифровать кассету. Через пару дней я получила звуковой файл, который сегодня читатель может послушать по ссылке <https://www.youtube.com/watch?v=GT95C2J19Qs> или скачать в библиотеке ImWerden⁴⁸. Его расшифровку мы и предлагаем читателю. Но сначала несколько слов о самой журналистке.

Из биографии Дафни Скиллен. Дафни Скиллен (*Daphne Skillen*) родилась в Шанхае, куда русско-украинская семья ее матери эмигрировала из Владивостока. Ее отец, грек по национальности, приехал в Шанхай в поисках новой жизни в самом оживленном и быстро развивающемся городе Азии. Родители говорили друг с другом и с дочкой по-английски, и Дафни посещала американскую школу.

В мае 1949 года семье пришлось срочно эмигрировать: Народно-освободительная армия Китая под командованием Мао Цзэдуна наступала, и приход коммунистов к власти был неотвратим. Богатые китайцы и иностранцы покидали страну. Родители Дафни оставались в Шанхае до последнего момента, но в конце концов решились на новую эмиграцию. Пассажирские самолеты больше не летали. Отцу удалось уговорить британского пилота транспортного самолета вывезти семью. Выгрузив чей-то роскошный рояль, летчик посадил родителей, двух дочерей и их русскую бабушку в самолет, летевший в Австралию.

Окончив школу и поступив в Сиднейский университет, Дафни получила диплом по политологии, психологии и философии. Переехав вместе с мужем в Оксфорд, она прошла экстерном интенсивный школьный курс русского языка. Потом они поселились в Кентербери, где ее муж преподавал философию в университете.

⁴⁷ University College London ISD Digital Media.

⁴⁸ <https://imwerden.de/publ-8781.html>.

Дафни получила диплом по русскому языку и литературе Лондонского университета и, проведя год в США, прошла магистерский курс в Университете Колорадо в Боулдере, написав диссертацию о творчестве Андрея Синявского. В 1985 году она защитила докторскую диссертацию на тему *Concepts of myth and utopia in Russian revolutionary literature*⁴⁹ в Лондонском университете.

В 1981–1982 годах, поехав в Москву на языковую практику, Дафни начала работать в Агентстве печати «Новости» (АПН), редактируя переводы советских коллег на английский язык. В этот период она интенсивно общалась с советскими интеллектуалами, приобретя много знакомых в среде диссидентов. Но в 1984 году Дафни, работая для британских телевизионных компаний, вдруг оказалась *persona non grata*, и в течение четырех лет ей отказывали в советской визе. Только в 1988 году, с наступлением перестройки, она смогла вновь поехать в Москву, где снимала телевизионные документальные фильмы. В 1990-х и 2000-х годах Дафни жила в Москве, работая консультантом для ряда международных проектов в области СМИ и международной помощи в России, бывших советских республиках и странах Юго-Восточной Азии.

В 2017 году она издала книгу *Freedom of Speech in Russia. Politics and media from Gorbachev to Putin*⁵⁰. Сейчас Дафни живет в Лондоне, занимается исследованиями и пишет новую книгу о России.

Несколько предварительных замечаний. Известно, что Венедикт Ерофеев часто добавлял штрихи и краски к собственному апокрифу. К любимым мифам, которые он распространял, относится, например, безвыездное детство на Севере. В таких случаях мы приводим, как правило, только один основной источник достоверной информации. Интервью велось самым непринужденным образом, и Ерофеев не знал вопросы и не готовил ответы заранее. Оно происходило вечером после утомительного для него дня, и в его речи встречаются иногда грамматические несоответствия и чуть ломаный синтаксис, присущие спонтанной устной речи. Но и эти моменты передают особенности его живого языка в общении, поэтому мы решили печатать интервью с минимальным редактированием. Иногда Ерофеев сознательно меняет произношение слова или отдельных звуков. В таких случаях буквы даются курсивом. В пленке есть перерывы и пропуски, и Дафни больше не помнит, с чем они связаны.

Мы хотели бы выразить свое восхищение Дафни Скиллен, проводшей такое интервью. Из известных на сегодняшний день это самое раннее интервью, взятое у Венедикта Ерофеева⁵¹, и единственное, где звучит его живой голос, утерянный позднее в результате страшной болезни. Мы хотим сердечно поблагодарить Дафни за доверие и разрешение опубликовать эту запись.

Первая расшифровка интервью была опубликована в журнале «Знамя»⁵², а вскоре в *Cardinal Points Literary Journal* появился английский перевод⁵³. Сейчас мы предлагаем более подробный комментарий к тексту этого поразительного интервью.

Эта публикация не появилась бы в таком виде, если бы не щедрая помощь целого ряда людей, которых мы оба, но особенно, конечно, Илья, хотели бы поблагодарить: Анны Авдиевой, Марка Гринберга, Александра Дымича, Галины Ерофеевой, Александра Лаврина, Олега Лекманова и Евгения Шталя.

⁴⁹ «Концепции мифа и утопии в русской революционной литературе» (англ.).

⁵⁰ Англ.: «Свобода слова в России. Политика и СМИ от Горбачева до Путина» (Лондон – Нью-Йорк: Routledge, 2017).

⁵¹ Подводя итоги 1982 года, Ерофеев упомянет в блокноте об интервью с Дафни Скиллен так: «Впервые в жизни даю интервью корреспондентке» ББСи с магнит<офонной> зап<исью>» (расшифровка блокнота В. Ерофеева из личного архива Игоря Авдиева, предоставлено Анной Авдиевой).

⁵² Ерофеев В., Скиллен Д. «Я не спешу...» // Знамя. 2019. № 10. С. 170–187.

⁵³ *Venedikt Yerofeyev. A Recovered Interview with Daphne Skillen* // *Cardinal Points Literary Journal*. Vol. 10. New York. 2020. P. 49–73. <http://www.stosvet.net/cardinalpoints.html>.

* * *

Интервью взято 12 июля 1982 года в квартире Галины и Венедикта Ерофеевых в Москве, улица Флотская, д. 17, корп. 1, кв. 78. Приблизительное время начала интервью – 7 часов вечера.

Дафни Скиллен (далее – **ДС**): Скажи, где ты родился?

Венедикт Ерофеев (далее – **ВЕ**): Ты давай, валяй вопросы. Где родился? 38-й год, Заполярье, Кольский полуостров, Мурманская, то есть, область.

ДС: А где ты ходил в школу?

ВЕ: Все там же, все десять лет школы, с первого по десятый отбарабанил в средней школе города Кировска Мурманской области⁵⁴. В Хибинах, знаешь такие горы – Хибины?

ДС: Нет, не знаю.

ВЕ: Ну так вот, такие есть горы на Кольском полуострове. С первого по десятый класс. Причем до десятого класса, то есть до семнадцатилетнего возраста, я ни разу не пересекал полярный круг с севера на юг.

ДС: Почему?

ВЕ: Ну, так уж, не пришлось потому что (*смеется*)... Там родился и не приходилось никуда выезжать⁵⁵. Так что я впервые в жизни поехал, когда окончил со своей дурацкой золотой медалью школу...

ДС: Кончил с медалью?

ВЕ: Ну да. Тут же поехал поступать в МГУ, а как раз только что открылось новое высотное здание МГУ⁵⁶. Я тогда впервые этот Полярный круг и пересек, впервые увидел живую корову и всю остальную экзотику среднерусскую. Тогда экзаменов не было, я просто прошел собеседование и поступил в МГУ на филфак⁵⁷. Но проучился там всего полтора года. Задурил, естественно, поскольку мне был девятнадцатый год и на меня свалилась куча разных кризисов – от самого высшего пошиба до самого низшего разбора (*смеется*)⁵⁸.

ДС: Каких кризисов?

ВЕ: Ну, это уже неважно. Это тема для специального чего-нибудь... Они очень хорошо экстравагантным слогом изложены в «Заметках психопата», как раз годы 56-й – 58-й. Они долго хранились у одного моего знакомого⁵⁹. Потом он передал их еще одному своему знакомому, и у того они с концами сгинули когда-то во время переезда с квартиры на квартиру. Они, видимо, выбрасывали все стопы ненужной бумаги, и в том числе попало и это... Во всяком случае, в 60-м году я в последний раз их видел и с тех пор не видывал. Все-таки большая потеря...⁶⁰ Потому что так-то она в высшей степени незрелая, но можно было из нее, пере-

⁵⁴ Ерофеев посещал начальные школы вблизи от ж/д станций Хибина и Зашеек (Полярные Зори); в 1947–1955 годах учился в школах г. Кировска (см.: Берлин. Шталь 2005. С. 15–22).

⁵⁵ На самом деле до поступления в МГУ Ерофеев несколько раз пересекал Полярный круг с семьей и детским лагерем (см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 36–39, 48, 61).

⁵⁶ Высотное здание МГУ было открыто в 1953 году, за два года до поступления Ерофеева в Университет. Однако филологический факультет, где учился Ерофеев, располагался на ул. Моховой, в домах № 9 и 11.

⁵⁷ Медалисты зачислялись в Университет без экзаменов, по результатам собеседования. См. подробнее: «Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников». М., 2006. С. 203, 368.

⁵⁸ См. об этом: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 68, 74–82, 89; Катаев В. Как доехать до Петушков? // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 168.

⁵⁹ См.: Ерофеев 2003. С. 8, 9, 491, 510, 520, 576. Это сочинение Ерофеева известно как «Записки психопата». Ерофеев варьирует это название: в письме Светлане Шнитман-МакМиллин (1982) называя его «Записками веселого неврастеника» (Гайсер-Шнитман 1989. С. 20), название «Заметки психопата» фигурирует в нескольких других его интервью (см., например: Ломазов В. Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым // Театр. 1989. № 4. С. 33). Рукопись хранилась у Владимира Муравьева и была опубликована после смерти автора.

⁶⁰ «Я Терек не видел. / Большая потеряшка» (Маяковский В. Тамара и демон // Маяковский В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 6.

делав досконально совершенно, сделать интересную штуку. Тем более что писано, в основном, в восемнадцатилетнем возрасте.

А потом – здесь все примерно верно⁶¹, потом работал рабочим на стройке. Тогда как раз строились Черемушки в Москве⁶². Потом кочегаром, в Москве же. В 58-м году плюнул на столицу, поехал на Украину и работал в геологоразведочной партии.⁶³

ДС: *А я не знала, что ты был такой здоровый... человек.*

ВЕ (*смеется*): В геологоразведочной партии, думаю, так. Потом возвратился... Нет, стоп, это еще до отъезда из Москвы, 58-й – 59-й год работал приемщиком винной посуды в центре Москвы⁶⁴.

ДС: *Это завод?*

ВЕ: Нет, это ларек, специальный ларек – приемный пункт стеклопосуды. Ты никогда не сталкивалась?

ДС: *Нет...*

ВЕ: Люди целыми сумками таскают туда всевозможную посуду из-под вина. Девять копеек – маленькая, двенадцать копеек...

ДС: *Да-да, конечно. Понимаю.*

ВЕ: Сейчас все цены унифицированы, сейчас они все по двадцать копеек, а тогда... <нрзб> Накопил кучу материала. Ни одна работа мне не доставила столько интересного материала, как эта вот работа. Всего-то четырехмесячная работа на этом приемном пункте стеклопосуды...

ДС: *А почему?*

ВЕ: О... Очень интересно, очень интересно, да. Потом что же... В 59-м, в конце 58-го плюнул на столицу и поехал в геологоразведочную партию на Украину. Там работал 59-й год. В 60-м году – плюнул, в свою очередь, в Украину и работал дежурным в милиции в городе Орехово-Зуеве. Потом вышибли меня из Орехово-Зуева⁶⁵, я поехал во Владимир, то есть дальше *nach Osten* (*смеется*). Во Владимире работал библиотекарем⁶⁶, потом работал на строительстве шоссе Московской – Пекинской, тогда строилась эта дорога. Она как раз проходила через Владимир. Так вот, я строил эту дорогу⁶⁷. Помнишь: «Папаша! Кто строил эту дорогу?» – у Некрасова? «Граф Петр Андреич Клейнмихель, душенька». И тут же поступил во Владимирский пединститут. Через полгода меня вышибли оттуда...⁶⁸

ДС: *Почему?*

М., 1957. С. 74).

⁶¹ Дафни Скиллен уже не помнит, к чему относится эта фраза, но не исключает, что привезла Ерофееву какое-то иностранное издание или статью с информацией о его биографии.

⁶² «Подсобником каменщика на строительстве Черемушек», – уточнял Ерофеев в краткой автобиографии, написанной в 1989 году (Ерофеев 2003. С. 7).

⁶³ В январе – июле 1959 года Ерофеев работал в Славянском отряде Артемовской комплексной геолого-разведочной партии рабочим глинистой станции (а не бурильщиком, как он указал в Краткой автобиографии, см.: Там же; Авдиев 2018. С. 156; Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 106–107). В перечислении работ, местах и иногда датах Ерофеев не всегда точен. Данные о многих из этих работ отсутствуют в его трудовой книжке и известны с его слов.

⁶⁴ Ерофеев 2003. С. 7; «Странник, играющий под сурдинку: О Венедикте Ерофееве» // Архив общества «Мемориал». Вече. № 8. С. 177. 1959 год – скорее всего, оговорка.

⁶⁵ С сентября 1959 по октябрь 1960 года Ерофеев учился на филологическом факультете Орехово-Зуевского пединститута. Был отчислен: «За академическую задолженность и систематическое нарушение трудовой дисциплины» (см. наст. изд., с. 93).

⁶⁶ В «Краткой автобиографии» (Ерофеев 2003. С. 7) и интервью И. Болычеву (Там же. С. 518) Ерофеев указывает местом работы библиотекарем Брянск.

⁶⁷ Согласно трудовой книжке Ерофеева, в апреле 1961 года он был принят грузчиком на Дорожно-строительный район № 4, где проработал четыре месяца (Авдиев 1998. С. 156–157).

⁶⁸ Ерофеев поступил во Владимирский государственный педагогический институт (ВГПИ) в 1961 году и был отчислен в январе 1962 года (Шталь 2019. С. 164–171).

ВЕ: Приказ гласил так: «За идейное, дисциплинарное и нравственное разложение студенчества института»⁶⁹. Хотя я учился без единой четверки и при поступлении... Единственный человек в институте получал повышенную стипендию. Она уже не сталинской называлась, а ленинской, по-моему, стипендией... или премия... стипендия имени Лебедева-Полянского⁷⁰, что-то в этом роде. Одним словом, несмотря на то, что я первую сессию сдал на все «отлично», меня тут же попросили уйти. Мало того, потребовали органы, чтобы я выехал в 48 часов из города Владимира и Владимирской области⁷¹. И вообще, чтоб не въезжал в пределы Владимирской области. А уж состав преступления не знаю какой... Я, по-моему, только и делал, что лежал, посасывал из горла водку (*смеются оба*)... и группировал вокруг себя людей, которые занимались примерно тем же. И еще стихами и разве что Евангелием.

ДС: А ты писал тогда?

ВЕ: Вот тогда написал... Да нет, после изгнания из Владимирского пединститута работал еще грузчиком и немножко кочегаром во Владимире. Потом, после изгнания в 61-м году... в 62-м году, после изгнания из Владимира поселился в Павлово-Посаде. Там работал на поточной линии на кирпичном заводе⁷². Потом-потом-потом-потом... в Коломне грузчиком на мясокомбинате, тоже Московская область⁷³. В это время как раз написал «Благуя весть». Но она тоже потеряна⁷⁴. Она пользовалась успехом у владимирской молодежи. Ее переписывали от руки, я знавал даже энтузиастов, которые знали наизусть, хотя она все-таки размером солидным...

ДС: А ты не подумал о том, чтобы сохранить свою работу?

ВЕ: Ее сохранили. Я ее отдал приятелю – Цедринскому⁷⁵. Цедринский дал почитать своим друзьям. Кто-то из друзей дал одной из своих тетюшек, а тетюшка я уж не знаю... Куда сгинула – один Бог ведает, с 62-го же года я ее не видел. А потом, в 63-м году, мне повезло, я определился на службу. «Кабельные...» – как же это называлось? Ну, плевать на название организации, одним словом, строительство и монтаж кабельных линий телефонной связи. То есть мы опутывали всю Россию телефонными связями. Ровно десять лет там оттарабанил – с 63-го по 73-й, даже десять с нахлестом⁷⁶. Приходилось работать в Московской области, Владимирской, Ивановской, Горьковской, Тамбовской, Липецкой, Смоленской, Черниговской, Гомельской, Могилевской, Тульской, в Литве даже, Брянской...

⁶⁹ Эту формулировку Ерофеев записал в дневнике по свежим следам, возможно, с чужих слов: «31 <января 1962 г.> – <...> Приказ об отчислении. „За идейное, дисциплинарное и нравственное разложение студенчества института“» (Ерофеев 2005. С. 166). Однако в приказе ректора Б. Киктева от 30.01.1962 года, найденном Евгением Шталем в архиве Владимирского пединститута, Ерофеева отчисляют «как не сдавшего зачетную сессию по неуважительным причинам и не явившегося по неуважительной причине на экзамен по „устному народному творчеству“, а также как человека, моральный облик которого не соответствует требованиям, предъявляемым уставом вуза к будущему учителю и воспитателю молодого поколения» (Шталь 2019. С. 171).

⁷⁰ В 1948 году ВГПИ было присвоено имя литературоведа П. И. Лебедева-Полянского (1882–1948) с учреждением стипендий его имени. В 2008 году институт утратил имя П. И. Лебедева-Полянского.

⁷¹ Первые три экзамена Ерофеев сдал на «отлично» (см.: Ерофеев 2005. С. 165), но на последний экзамен не явился. Утверждение о фактической высылке из Владимира Ерофеев повторяет во многих интервью.

⁷² С февраля по апрель 1962 года Ерофеев работал кочегаром 5 разряда в строительном тресте, а с конца июня по начало августа – разнорабочим на Павлово-Посадском заводе стройматериалов (Авдиев 1998. С. 157).

⁷³ Ерофеев учился в Коломенском пединституте в 1962–1963 годах (Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 159–161). Коломенская легенда гласит, что Ерофеев подрабатывал грузчиком в гастрономе «Огонек», в здании которого сейчас располагается музей «Арткоммуналка: Ерофеев и другие». Директор музея Екатерина Ойнас выяснила, что Ерофеев гипотетически мог подрабатывать и на местном мясокомбинате, где на простые работы нанимали студентов.

⁷⁴ Некоторые главы прозы (в другой редакции «Благовестование») нашлись еще при жизни писателя. «Благуя весть», скомпилированная из нескольких источников, включающих воспоминания друзей Ерофеева, была опубликована после смерти автора в разных редакциях (см.: Ерофеев 2019. С. 239–254).

⁷⁵ Владислав Викторович Цедринский (1940–2010) – друг Ерофеева, упоминаемый в «Москве – Петушках» в главе «Орехово-Зуево – Крутое».

⁷⁶ Точные даты работы: май 1963 – январь 1973 года (Авдиев 1998. С. 157).

ДС: *А как ты воспринимал это путешествие?*

ВЕ: Какое?

ДС: *Это хождение в народ...*

ВЕ: Это хождение? Да почти ничего оно путного мне не приносило, но у меня было положение таково, что у меня не было ни паспорта, ни постоянной прописки, ни постоянной крыши над головой⁷⁷. А тут все-таки в разъездах мы жили постоянно в вагончиках. Знаешь, такие крохотные вагончики, в которых ютятся строители?

ДС: *Да-да-да.*

ВЕ: Мы эти вагончики цепляли и колесили с ними, как циркачи прежних времен свой фургон гоняли из угла в угол. Это хорошо Теофилю Готье было писать своего «Капитана Фракка» – там все у него очень выглядит заманчиво, а тут ничего подобного нет. Сплошная грязнотища и все такое... Одним словом, сплошная харкотина.

ДС: *А в гостинице невозможно было?*

ВЕ: Да какие гостиницы, когда мы всегда в полевых условиях, в поле... Ну, правда, свои записные книжки очень обогатил, распух записными книжками. Во время этих разъездов писал немножко стихи для... Родился сын в 66-м году⁷⁸. Для него вот я рассказывал...

ДС: *Расскажи, это интересно.*

ВЕ: В начале 70-х годов стихи в разных жанрах. То есть начиная с катулловского размера или там с подражания... сапфической строфой и кончая современным верлибром. Во всех жанрах.

ДС: *Они сохранились?*

ВЕ: Сохранились, но часть из них пустила на растопку моя теща, то есть матушка моей первой жены⁷⁹. У меня все хранилось в Петушинском районе, где в это время жил сын. Я же к нему наезжал ежемесячно.

ДС: *А когда ты поехал в Петушки?*

ВЕ: А в Петушки... Я из Владимирского пединститута вывез одну девушку, и у нас в 66-м родился сын. Пришлось срочно с ней обручиться, как говорится, потому что уже истекал месяц. А по истечении месяца младенцу надо давать, во-первых, отчество, а во-вторых, фамилию, разумеется. Пришлось срочно обручаться, прямо в последний день, потому что месяц истек в этот день. А жену распределили по окончании института в Петушинский район, село Караваево. Это еще автобусом от Петушков к северу. Так что мне приходилось, сколько бы я ни колесил по Руси, примерно каждый месяц приезжать в Петушки. К сыну с гостинцами...

ДС: *Как долго ты жил там, в Петушках?*

ВЕ: Я там почти и не жил, только наезжал туда. Приезжал к сыну, допустим, на три-четыре дня, потом опять исчезал на месяц. Это до 73-го года.

ДС: *И когда ты написал «Заметки психопата»?*

ВЕ: «Заметки психопата» – это я говорил... Когда я учился на первом курсе МГУ и немножко после изгнания из МГУ, когда пошел на московскую стройку.

ДС: *Но тогда ты не вернулся в МГУ...*

ВЕ: Нет, не вернулся. И не намерен был⁸⁰. В 72-м, тут же прямо спустя два года после «Петушков» написал – почти целиком было написано – примерно такого же объема, чуть-чуть побольше, «Дмитрий Шостакович». Но он у меня пропал, у меня его свистнули⁸¹.

⁷⁷ Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 85.; Берлин В. Венедикт Ерофеев и «Вопросы ленинизма» // Новая газета. 2010. 20 октября.

⁷⁸ Венедикт Венедиктович Ерофеев родился 3 января 1966 года.

⁷⁹ Первая жена Ерофеева – учительница Валентина Васильевна Ерофеева (Зимакова) (1942–2000); Наталья Кузьминична Зимакова (1894–1981) – мать Валентины Ерофеевой.

⁸⁰ По свидетельству В. Катаева, Ерофеев в начале 1970-х безуспешно пробовал восстановиться в МГУ (Катаев В. Как доехать до Петушков? С. 169–170).

ДС: *Это что значит?*

ВЕ: Что значит? (*Оба громко смеются.*) Это хорошенький вопрос! Я ехал в электричке поздно вечером и с большого похмелья. И у меня в сумке, в сетке то есть, с собой были две бутылки вина, которые прямо торчали из сумки. А рядом с сумками лежал пакет. В пакете были мои записные книжки. И вот как раз все черновики «Дмитрия Шостаковича», которые надо было просто сесть и переписать набело.

ДС: *Это роман? Повесть?*

ВЕ: Ну я не знаю... Я в названиях жанра не силен, как угодно можно называть. Я вообще терпеть не могу эти подзаголовки – там «поэма», «повесть», «роман» или... Какая разница, по существу? Просто «Дмитрий Шостакович». Хотя там речи о Дмитрие Шостаковиче почти нет. Хорошо, если три страницы попадались, где упоминался Шостакович. Он там совершенно ни к делу, и ни к месту, и ни ко времени.

ДС: *Но почему ты назвал это «Дмитрий Шостакович»?*

ВЕ: А «Дмитрий Шостакович» там потому, что по ходу дела начинались сцены не совсем цензурного свойства. И вместо того, чтобы описывать то, что не годится для печати, я начал говорить о Шостаковиче. О том, что такой-то Шостакович – лауреат там трам-пам-пам, командор Ордена Почетного легиона, почетный член итальянской академии Санта-Чечилия и все такое... Одним словом, о Шостаковиче шла речь, пока не кончалась непристойная сцена. Как только она кончалась, повествование продолжалось дальше. Очень веселое повествование. Но когда опять случались сцены нехорошие, не для воспитанного слуха, а уж тем более не для советского слуха, хотя не на него было рассчитано, опять приходилось прибегать... дальше говорить о Шостаковиче. Попеременно о его симфониях... (*Оба смеются.*) Веселая была вещь. С печальным окончанием. Я, когда ее потерял, прямо... У меня ее выкрали вместе с сеткой. Я уснул в электричке, а это был вечер воскресенья, когда всему народу очень *хочца* похмелиться, а уже достать негде – все магазины закрываются самое позднее в восемь⁸². А я ехал уже в позднюю пору, в совершенно почти пустой электричке. Когда я проснулся... То есть кто-то соблазнился этой сумкой. Им все эти рукописи, черновики и не нужны были, никакой им «Шостакович» не нужен, они это, конечно, выбросили из окошка электрички. Им нужно было вино, а вот эти две бутылки... Если бы я их завернул хорошо в бумагу, ничего бы подобного не случилось.

ДС: *Очень жалко...*

ВЕ: Это 72-й год. Я тогда, когда вышел из электрички и увидел пропажу, упал на траву и рыдал, как Печорин, расставшись с княжной Верой или кем-то там, уже не помню...⁸³

ДС: *Ужас такой...*

ВЕ: Вот. И потом попробовал было восстановить, потому что она мне самому очень нравилась. Попробовал восстановить, делал несколько буденновских наскоков на этот сюжет, но уже получалось не то... Безвдохновенно, бескрыло. Так что решил забросить эту затею. Хотя и настаивали очень многие именитые люди, но я отказался от этого. И надолго вообще забросил писание. Если и писал, то крохотные рассказы там, крохотные эссе о ком-нибудь или по заказу мелкие статьи о поэтах русских начала XX века.

ДС: *Они вышли?*

ВЕ: Да нет, не вышли они, я все их раздаривал именно тому, кто мне их заказывал. И они это все клеивали в свои альбомы, только и всего. То есть по таким мелким заказам. Вот,

⁸¹ Рукопись не найдена, и неясно, в какой стадии написания находилась утерянная книга. Однако известно, что важные для Ерофеева записные книжки действительно были утрачены летом 1972 года (Агапов А. Телеграм-канал «Слова и буквы». <https://t.me/wordsandletters>; Ерофеев 2007. С. 5, 42).

⁸² «Вечер воскресенья» не совпадает с датой кражи записных книжек, обозначенной Ерофеевым в блокноте явно по свежим следам: 19 июля 1972 года пришлось на среду.

⁸³ Лермонтов М. Герой нашего времени. М., 1962. С. 106; «Княжна» – явно по ассоциации с княжной Мери.

например, человек заказывает написать три страницы о Саше Черном⁸⁴. И я ему пишу эти три страницы о Саше Черном, он мне за это дарит какую-нибудь книгу, для меня вожаденную. То есть он не берет денег за книгу, не обменивает ее ни на какую другую, а просто с меня требует что-нибудь написать. И все это хранится в альбомах у разных людей. А так – ничего серьезного. Ну, то есть уже сколько-то лет подряд вынашиваю «Еврейские мелодии». Но пока еще не нашел, как говорят шашлычники, шампура... Материала-то бездна, стопы уже лежат. Столько материала, что придется девяносто процентов отсеивать из того, что накопилось, и оставить только самое наилучшее, наивеселейшее и, наоборот, наичернейшее. И даже хочу выкроить пьесу из этого, где гибнут, по шекспировскому образцу, все герои⁸⁵. Но в основном речь идет о евреях исключительно. Как в «Петушках» речь идет исключительно как будто бы только о спиртном и больше как будто бы ни о чем другом, так здесь речь идет только о евреях⁸⁶.

ДС: Как называется?

ВЕ: «Еврейские мелодии»⁸⁷,

ДС: Кто-то мне сказал, что называется «Семь с половиной евреев».

ВЕ: Нет, это чепуха. У меня был план написать для журнала «Бронзовый век»⁸⁸, по их настоянию, «Мои семь евреев». То есть жизнеописания коротенькие тех семи евреев, которые посильнее других на меня оказали влияние. Или просто чуток потрясли хотя бы. То есть самых запоминающихся.

ДС: Веня, а какие книги очень повлияли на тебя?

ВЕ: Смотря в какое время... Из самых ранних... В юности «Преступление и наказание», пожалуй, в шестнадцать лет прочитанное. В восемнадцатилетнем возрасте из самых сильных впечатлений – «Голод» и «Мистерии» Кнута Гамсуна⁸⁹. Уж тут я ходил ошалелый несколько недель, да даже больше, чем недель, и не мог ничего больше в руки брать после этой литературы. Потом, в возрасте примерно девятнадцать – двадцать, ибсеновская полоса началась. В особенности «Бранд», да и «Пер Гюнт», да даже и поздние пьесы, весь Ибсен совершенно, с головы до пят. Потом, кто же из литераторов-то... Да, пожалуй, сильнее этого потом и не было. А! Потом, конечно, Стерн⁹⁰. Но это уже в возрасте двадцати двух, примерно, лет. Потом на меня уже навалился своей тяжелой, грамотной, <нрзб> массой Томас Манн. Томас Манн меня раздавил года на три. Это уже возраст двадцать пять – двадцать восемь лет⁹¹.

ДС: Все это – иностранная литература, кроме Достоевского...

⁸⁴ «Саша Черный и др.» (Ерофеев 2019. С. 390–391); это эссе о Саше Черном, написанное в начале 1982 года, Ерофеев подарил исследователю творчества поэта Анатолию Иванову.

⁸⁵ Кроме написанной пьесы «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» (1985), Ерофеев работал над пьесой «Фанни Каплан», но не закончил ее. См.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 411–413.

⁸⁶ Ср. с записью Ерофеева в альбоме Александра Кривомазова, сделанной за два года до этого интервью, 30 марта 1980 года (см. наст. изд., с. 16).

⁸⁷ «Вставки для „Еврейских мелодий“» – название одной из записных книжек Ерофеева (Ерофеев 2007. С. 385–390). Название «Еврейские мелодии», вероятно, заимствовано у Дж. Г. Байрона «Еврейские мелодии» (Hebrew Melodies, 1813), хотя не исключена ассоциация с циклом песен Дмитрия Шостаковича «Из еврейской народной поэзии» (1948).

⁸⁸ Neue Russische Literatur (NRL) / Ed. V. Len, G. Mayer, R. Ziegler. Universität Salzburg, Salzburg, 1978–1982; «Бронзовый век» – неофициальное название альманаха среди интеллигенции.

⁸⁹ Ср. со свидетельством Владимира Муравьева о 1955 или 1956 годе: «Вот еще в общежитии попались ему под руку „Мистерии“ Гамсуна, и он сразу понял, что это – его. И уж „Мистерии“ он знал почти наизусть» (Ерофеев 2003, С. 574).

⁹⁰ О влиянии Стерна на поэму Ерофеева, см.: Левин 1996. С. 25; Власов 2019. С. 242, 410–411.

⁹¹ Впервые имя Томаса Манна появляется в дошедших до нас дневниках Ерофеева за 1961 год, т. е. Ерофееву 22–23 года (Ерофеев 2005. С. 21–23, 30, 35, 145). «Одна из его (Ерофеева. – И. С., С. Ш.-М.) целей, как он мне говорил, вот, дело, достойное жизни, – переводы писем Томаса Манна». См. интервью Игоря Сорокина с Сергеем Филипповым 9 октября 2015 года // «Коммунальная Одиссея» / Проект под эгидой музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие». <https://artkommarchiv.ru/filippov-s>.

ВЕ: Кроме Достоевского, оказалась только иностранная. Длительных действий на меня среди русских не было никого, пожалуй⁹². Ну и, конечно, стихи. Стихи-то, в основном, конечно, русских поэтов. Если из заморских поэтов – то в русских переводах в хороших. Поэтов-то я, пожалуй, даже больше читал, чем прозаиков. Всех, то есть, поэтов, от силлабической русской поэзии семнадцатого века и до Николая Заболоцкого, примерно так.

ДС: *Когда ты написал «Москву – Петушки»?*

ВЕ: Вот как раз осенью 69-го года, покуда ездил со своим вагончиком⁹³. Мы строили эту кабельную линию связи от станции Лобня с ответвлением на Долгопрудную и в сторону аэропорта Шереметьево. Совершенно безалаберное время...

ДС: *Но как ты мог вообще писать, когда жил в поле, в вагончиках?*

ВЕ: Да, в поле, в вагончике... В том-то и дело. Нас в крохотном вагончике было восемь рыл. Причем писать при них было невозможно, потому что каждый из этих обитателей вагончика постоянно справлялся: «А что ты там кропаешь?» Приходилось кропать по ночам. И то спрашивали: «Не пора ли гасить там свет?» Или: «Что ты там, готовишься, что ли, к экзаменам? Все равно не поступишь никуда. Сейчас никуда, кроме как по благу, не поступишь». Несли вот такую гиль⁹⁴, мне это все приходилось выслушивать...

Ну что же делать, раз уж на меня накатило, одолело, я продолжал. Что-то у меня это отняло немного времени – месяца два. Это учитывая, что писалось только урывками, вечерами. Быстро. А «Дмитрия Шостаковича» вообще пришлось писать в сторожке под Москвой, где я охранял склад всего этого кабельного хозяйства, где чуть ли по мне не бегали крысы. (*Смеются.*) Маленькая сторожка, в которой – мой кабинет. Кабинет был примерно в мою длину длиной и в мою ширину шириной. Ровно раскладушка устанавливалась и больше, по-моему, ничего. Да, крохотная-крохотная узенькая скамейка рядом – письменный стол, «бюро» назывем его... (*Смеются.*) И вот, как на грех, сейчас-то, с 74-го года, когда я поселился в Москве, а уже с 77-го года прописан в Москве, и уже созданы, пожалуйста, все комфорта для писания – пишется уже хуже. Черт его знает, почему так. То есть мне-то не к спеху, я не спешу. «Мне некуда спешить», – как писал Самед Вургун, великий азербайджанский поэт, советский, кстати⁹⁵. Но посмотрим, я все еще рассчитываю, что поездка на Север меня немножко порас-трясет...⁹⁶

ДС: *И потом ты будешь заниматься пьесой?*

ВЕ: Хочу из «Еврейских мелодий» еще выкроить пьесу. Трагедию непременно. В трех действиях – и все действие происходит в приемном пункте стеклопосуды, винной посуды⁹⁷.

ДС: *А тебе нравилось разговаривать с рабочими...*

ВЕ: Не очень, не очень. Я их общества почти избегал. Не так чтобы избегал, но и не очень панибратствовал с ними.

ДС: *Но ты пил с ними?*

ВЕ: Еще как! Еще как! Еще как! Все, начиная от тройного одеколона и кончая резолю⁹⁸.

⁹² Ср. с высказыванием Ерофеева 1988 года о преобладании «закордонных» влияний на «Москву – Петушки» (наст. изд., с. 60).

⁹³ В том же 1982 году Ерофеев в письме Светлане Гайсер-Шнитман датирует поэму 1970 годом (Гайсер-Шнитман 1989. С. 21); в статье А. Агапова и И. Симановского (наст. изд., с. 506–520), основанной на недавно обнаруженных записях Ерофеева 1969–1970 годов, эта датировка подтверждается с небольшой коррекцией (17 января – 7 марта 1970). Вопрос о том, могли ли отдельные главы поэмы, черновики и пр. быть написаны Ерофеевым ранее, остается открытым.

⁹⁴ Гиль (*устар.*) – вздор, чепуха.

⁹⁵ Вургун С. «Я не спешу...» / Пер. К. Симонова // Симонов К. Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 1. С. 535.

⁹⁶ В июле 1982 года Ерофеев участвовал в походе на моторной лодке по Северной Двине от Великого Устюга до Архангельска. См. об этом: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 347–348, а также: наст. изд., с. 153–154.

⁹⁷ Место действия неоконченной пьесы «Фанни Каплан» – приемный пункт стеклотары. См.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 412.

⁹⁸ Наталья Архипова вспоминает, как Ерофеев угощал ее резолю (Там же. С. 229–230).

ДС: *И ты все это испытывал?*

ВЕ: Ну конечно, да еще задавал иногда тон. Многим малопосвященным расширял кругозор⁹⁹ в этом отношении.

ДС: *Было скучно с ними?*

ВЕ: Да не совсем скучно... Среди них, во всяком случае, за все время работы с ними из пяти-шести тысяч людей, с которыми приходилось хотя бы пить, – я считаю, я с человеком знаком, с которым хоть раз выпил, – так вот, их примерно было тысяч пять-шесть. Из них нашлось штук пять-шесть экземпляров хороших людей. Ну, не то что хороших, но более или менее доброкачественных. А так они... Общение с ними не дает ничего абсолютно. Иногда какие-нибудь их случайные обмолвки, маленькая их придурь дает какой-нибудь толчок для какого-нибудь поворота прихотливого, глупой мысли... А больше от них толку никакого. Это ж не XIX век, где они учились у русского народа говору и все такое. А сейчас...

ДС: *Но все-таки чувствуется большая симпатия к народу в книгах.*

ВЕ: Так ну еще бы им не симпатизировать, этим беднякам, господи! Кто же тогда им будет симпатизировать? Господь на них плюнул, власти – тоже, по существу, так что...

ДС: *А ты старался, были какие-то попытки официально опубликовать свою работу?*

ВЕ: Нет, никогда, ни разу. Ни одного мгновения в жизни мне не приходило в голову здесь хоть что-нибудь опубликовать. Ни разу. Вот тут я прямо...

ДС: *Просто потому что знал, что это бессмысленно?*

ВЕ: Да не то что бессмысленно – и желания не было. Тут уж я совершенно стерильное существо. Ни секунды даже мысли не было. Да и смешно было бы думать...

ДС: *Но когда ты написал «Москву – Петушки» – это было для друзей?*

ВЕ: Я рассчитывал примерно на аудиторию из дюжины человек. И я не подозревал, что спустя восемь лет будет уже не дюжина человек, а дюжина держав (*смеются*), опубликовавших...¹⁰⁰ К вопросу о неисповедимостях...

ДС: *Скажи, Веня, когда ты начал пить?*

ВЕ: Пить? Ну, вообще-то говоря, до десятого класса меня тщательно оберегала матушка от этого, потому что мой покойный папенька был самый известный во всем городе алкоголик¹⁰¹. Он дома не жил никогда, переходил из пивной в пивную... Зарабатывал только тем, что у него никогда за душой ничего не водилось... Он только что вернулся, отсидел непонятно за что семь лет¹⁰².

ДС: *Он был сломленный человек?*

ВЕ: Не совсем. Он был известен еще своим голосом. Он бродил по городу, всегда в подпитии, хотя и не имел денег... Пел что-нибудь вроде «Благословляю вас, леса, долины, нивы, горы, воды... / Там-прам-пам-пам. / И одинокую тропинку...»¹⁰³ Или там из «Фауста»: «Привет тебе, приют невинный, / привет тебе, приют священный». Вот такой у него был репертуар. Мне не позволялось даже при встрече с ним... Я иду, допустим, в школу, уже будучи взрослым,

⁹⁹ Автоцитата из «Москвы – Петушков», см.: Ерофеев 2003. С. 138.

¹⁰⁰ К 1982 году «Москва – Петушки» вышли в Израиле и Франции на русском языке и в десяти странах в переводах: Франция (1976), Англия (1976 – на польском, 1981 – на английском), Швеция (1977), Италия (1977), Германия – Швейцария (1978), Нидерланды (1979), Польша (1979), США (1980), Словения (1980).

¹⁰¹ Ко всем сведениям Ерофеева об отце, его работе и песенном репертуаре следует относиться с осторожностью: по свидетельству сестер Ерофеева, Нины Фроловой и Тамары Гушиной, утверждения брата об алкоголизме отца преувеличены. Они вспоминали, что до пребывания в ГУЛАГе Василий Васильевич Ерофеев (1900–1956) был человеком жизнерадостным, любил петь оптимистические советские песни, был опрятен и всегда держался с большим достоинством. Он неоднократно получал награды и поощрения за хорошую работу на железной дороге; см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 28–29.

¹⁰² Василий Ерофеев был осужден в 1945 году по статье 58, пункт 10 УК РСФСР и находился в заключении до 1950 года (Там же. С. 40–42). В 1951 году он был осужден вторично на три года, но до конца срока активирован по состоянию здоровья (см. наст. изд., с. 556–557).

¹⁰³ Романс П. Чайковского на стихи А. К. Толстого.

девятый-десятый класс – при столкновении не разрешалось ни приветствовать его, ни подавать ему руки, если тот протянет. Матушка боялась не влияния его, а просто самой элементарной наследственности. Так что впервые мне пришлось глотнуть водки – и вообще спиртного напитка – на выпускном вечере по окончании десятилетки.

ДС: *Сколько тебе было лет?*

ВЕ: Мне было шестнадцать, неполных семнадцать. Сепаратно, нелегально, в кустах, на пятерых – одну бутылку водки! И я чувствовал себя лейб-гусаром, экое дерзновение! Ну а потом в МГУ, в связи с неурядицами, ну, там еще начались маленькие неурядицы такого чисто женского плана, но это более-менее все понятно... Как-то, находясь в слишком темном расположении духа, просто сходил и по собственному почину взял себе четвертинку, благо они были... Четвертинка – знаешь, *двухсотпятидесятиграммовые* бутылочки?

ДС: *Водки?*

ВЕ: Водки, да. Просто ее взял и, запершись в аудитории опустевшей вечером, шлепнул до дна из горлышка. Ну а потом через две недели еще примерно одну. Ну а потом, когда уже был вышиблен из МГУ... Вышиблен-то я был, разумеется, не за это¹⁰⁴. А уже когда перешел на стройку, и в кочегары, и все такое – тут уже стало это каждодневным.

ДС: *Это началось, когда ты общался с рабочими?*

ВЕ: Не-ет, как раз рабочие тут ни к чему. Наоборот, слишком много рабочих приходилось сбивать с толку – юных и не совсем юных, некоторые даже постарше меня. А так начал совершенно самопроизвольно и изнутри. По божьему попущению...

ДС: *И с тех пор ты пьешь?*

ВЕ: Да, ну как то есть пью... Иногда ведь случаются антракты более или менее длительные, от нескольких часов до нескольких месяцев. И ничего. Во всяком случае, 82-й у меня, по-моему, год с меньше всего выпитым... ни разу с тех пор, как мне стукнуло восемнадцать лет, никогда я так мало не пил, как в тысяча девятьсот восемьдесят втором году¹⁰⁵.

ДС: *И как ты себя чувствуешь?*

ВЕ: Прекрасно себя чувствую, за исключением нескольких утр, когда все-таки пить накануне приходилось. А что будет дальше – неизвестно. Возьму да как-нибудь и запью. А возьму да и... Ну, впрочем, об этом так много в последнее время приходилось говорить с друзьями-психиатрами, которые уж слишком «готовы на все услуги», как говорил у Гоголя Городничий дочери¹⁰⁶.

ДС: *Синявский где-то говорит, что народ пьет для душевных целей.*

ВЕ: Для каких душевных целей... да мелет твой Синявский. Мне его «Голос из хора» очень не понравился. Совершенно не понравился.

ДС: *Почему?*

ВЕ: Не знаю, какая-то выпрєнная манера. Можно простить, что адресовано жене, да еще из лагеря и все такое. Но не знаю, для чего эта штука написана. Если не считать двух-трех коротких реплик, которые он расслышал в этом лагерном быту. А сам Синявский... Вот «Прогулки с Пушкиным» – это прелесть, разумеется. Я прочел залпом и даже двумя залпами, то есть два раза подряд прочел. А все, что Синявский говорит об этой стороне дела, о русском питии, тут он уж дилетант. Хоть он с ними и был тесноват, будучи в лагерях, но, по-моему, мало что понял в этом. Пусть бы не совался...

¹⁰⁴ Блестяще сдав первую сессию, Ерофеев почти полностью забросил учебу. Согласно приказу, подписанному проректором МГУ Галкиным, Ерофеев был отчислен «за академическую неуспеваемость и пропуски занятий без уважительной причины». Выписка из «Приказа № 11/у» об отчислении Ерофеева из МГУ датирована 14 января 1957 г. См. ее копию в: Ерофеев 2003. С. 1 (вкладка иллюстраций).

¹⁰⁵ Относительно длительные периоды трезвости у Ерофеева в 1982 году связаны с лечением от последствий алкоголизма в московской больнице № 1 им. П. П. Кашенко. См.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020, С. 345–346.

¹⁰⁶ Из письма Хлестакова: «...готова сейчас на все услуги» (*Гоголь Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 4. М., 2003. С. 80).

ДС: Тебе очень нравится музыка?

ВЕ: Музыка – да! Пожалуй, чуть ли не больше, чем русская поэзия.

ДС: Ты играешь на рояле?

ВЕ: Нет, ни на чем. В отрочестве, в юности пытался играть, но увидел, что у меня получается хуже, чем хреново, и забросил.

ДС: У тебя здесь есть рояль...

ВЕ: Ну рояль что же, потому что слишком много знакомых пианистов. У меня из людей, входящих в квартиру, каждый третий играет. Так что он у меня почти не умолкает, этот рояль. Пусть тешится народ...

(Перерыв в записи.)

(Следующий вопрос на пленке отсутствует.)

ВЕ: Писалось окрыленно, если выражаться старомодно. Во всяком случае, когда писал, я, уже доехав до Орехова-Зуева – уже полкниги, – еще не знал, приеду ли я, собственно, в Петушки. Что со мной случится на следующей станции – я не знал. То есть такого, как выражается Константин Федин, всеохватывающего плана, обдуманности от начала до конца – у меня не было абсолютно¹⁰⁷. Все являлось само собою. Причем писалось совершенно без черновиков.

ДС: Да?! Первый раз – вот так?!

ВЕ: Совершенно без черновиков¹⁰⁸.

ДС: И у тебя не было книг, в условиях твоей жизни...

ВЕ: Какие там книги... Просто за день, покуда рылся в земле и прокладывал этот кабель, я примерно обдумывал главу, а вечером, когда возвращался, я ее тут же моментально набрасывал в тетрадь, почти не отрывая пера от бумаги.

ДС: Когда работал, писал «Москву – Петушки», ты читал ее рабочим, с кем ты пил?

ВЕ: Нет, упаси бог! Они бы ничего не поняли, ничего¹⁰⁹.

ДС: А ты называешь это «поэма» – от Гоголя?

ВЕ: Не-ет, я не знаю, кому в голову взбрело назвать это «поэмой». У меня это слово совсем отсутствовало¹¹⁰. Я же говорю, что я к названиям – «жанровка» это называют – или нет?... – я к этому совершенно индифферентен. Можно было назвать как угодно... Да лучше никак не называть, потому что некоторые считают, что это не подходит ни под одну категорию ни одного жанра.

ДС: А как ты так хорошо знаешь русский язык, народный язык?

ВЕ: Ну так, господа, поневоле его будешь знать.

ДС: Блат и мат – и все...

ВЕ: Ну блат, мат – это несложно было... *(смеется)*, слишком несложно, он всегда был под рукою, не под рукою, а под ухом. Ну а все остальное – я все-таки пишу-то с детства, слава богу. Первую свою штуку я написал, когда мне было пять лет. Она всего была длиною что-то такое две странички совершенно детским почерком. Это еще было за два года до поступления в школу, в первый класс. Я-то этого не помню, но моя покойная матушка, когда меня в последний раз навещала, она рассказывала, что первое сочинение было в пятилетнем возрасте и называлось «Записки сумасшедшего». <нрзб> Уж не знаю, о чем там речь...

¹⁰⁷ Вероятно, Ерофеев имел в виду описание К. Фединым своей творческой работы. См., например: «Перед началом работы я составляю ее план. Если пишется рассказ, то на двух, трех листках бумаги я размечаю по главам или частям весь его сюжет. <...> План романа значительно сложнее» (Федин К. Как мы пишем. Л., 1930. С. 154–155).

¹⁰⁸ Полное отсутствие черновиков «Москвы – Петушков» вызывает сомнения. Запись в блокноте Ерофеева 1969–1970-х годов: «добавить: триумф, тщета, идея, каприз, пафос. (о смесях)» (Ерофеев 2005. С. 633). Вероятно, речь идет о доработке главы «Электроугли – 43-й километр».

¹⁰⁹ См. в письме Ерофеева второй жене Г. Ерофеевой (Носовой) о коллегах по геологической экспедиции в 1976 году: «... тобой присланные „Петушки“ не вызвали ни одной улыбки ни у кого из четырех прочитавших» (наст. изд., с. 146).

¹¹⁰ Это не так – в главе «Новогиреево – Реутово» Веничка Ерофеев представляется как «экс-бригадир монтажников ПТУСа, автор поэмы „Москва – Петушки“» (Ерофеев 2003. С. 140).

ДС: Ты хорошо знаешь Библию?

ВЕ: Да не то что уж досконально, но считаю, что знаю... Считаю, что знаю.

ДС: Ты религиозный человек?

ВЕ: Пожалуй, что нет. У меня пиетет перед религией. Я вообще считаю, что... (*Долгая пауза.*) Ну господи, кроме Евангелия, ну что же, собственно... никаких впереди спасений других, по-моему, и быть не может. Не то что уж полная приверженность Евангелию, но хотя бы – принципы евангельской этики...

ДС: Веня, ты очень любишь слушать радио, следить за новостями...

ВЕ: Еще как! Да, конечно! Ко мне обращаются люди, которые тоже каждый день слушают радио, но почему-то для них это служит фоном. Я только что вернулся из больницы, навещал свою знакомую, которая тоже слушает радио, потому что оно у них там постоянно включено¹¹¹. Она меня спрашивает: «Ну как там Сальвадор?» Объясняешь ей, что такие-то гондурасские части введены на территорию Сальвадора¹¹². О том, как обнимались после третьего итальянского гола испанский король с президентом Пертини на поле, и все такое¹¹³. О том, что делается на ханойско-пекинском фронте¹¹⁴. Да... Обо всех...

ДС: А как ты думаешь о событиях Falklands...¹¹⁵

ВЕ: Очень рад, очень рад был за Маргарет Тэтчер. Аплодировал каждому ее выступлению, даже каждому телодвижению¹¹⁶.

ДС: А почему?

ВЕ: Потому что терпеть не могу аргентинский режим и хулиганство. Это, в сущности, мелкое хулиганство – одобрить захват островов, которые не им принадлежат. У меня твердое убеждение, что британцы должны были отстоять Фолклендские острова. И не только потому, что это разогрело бы аппетиты тех, которые зарятся на Гонконг, на Гибралтар¹¹⁷ и все такое...

ДС: Ты говорил, что Гальтьери репрессировал человека, который тебе очень нравился, репрессировал какую-то партию.

ВЕ: Да, он всех поголовно репрессировал. И не он первый, те два генерала, что были до него, занимались тем же самым. Во всяком случае, за Фолклендскими островами очень следил. В особенности за приближением эскадры – я отсчитывал дни, когда же, наконец, эта милая моему сердцу эскадра... (*смеются оба*) достигнет берегов этих гнусных аргентинцев. И каждый день – неистовствовал: ну что же они медлят?! Почему же они не начинают штурмовать Порт-Стэнли, Пуэрто Архентино¹¹⁸? И почему такие неудачи поначалу? Уже мои любимые израильтяне врываются в Бейрут, уже их танки под окнами президента Ливана Саркиса¹¹⁹, а эти британцы все еще возятся в четырех километрах на подступах к Порт-Стэнли. Я параллельно следил за своими любимцами – за Тель-Авивом и британской эскадрой.

¹¹¹ В этот день Ерофеев навещал в больнице химика Валентину Николаевну Еселеву (1940–2010), с которой дружил еще со времени учебы в Орехово-Зуевском педагогическом институте.

¹¹² В гражданской войне в Сальвадоре (1979–1992) время от времени принимали участие подразделения гондурасской армии.

¹¹³ Чемпионат мира по футболу проходил в 1982 году в Испании. В финальном матче принимали участие команды Италии и ФРГ. Матч кончился победой итальянской команды со счетом 3:1.

¹¹⁴ Вооруженные столкновения между Китаем и Вьетнамом продолжались с 1979 по 1990 год.

¹¹⁵ Война между Великобританией и Аргентиной (02.04.1982–14.06.1982), оккупировавшей принадлежавшие Великобритании Фолклендские и прилегающие к ним острова, окончилась победой Великобритании.

¹¹⁶ «В многолетнем арабо-израильском конфликте он неизменно был на стороне евреев. Из иностранных деятелей особо отличал Миттерана и Маргарет Тэтчер», – вспоминала сестра Ерофеева Тамара Гущина (Ерофеев 1992. С. 143).

¹¹⁷ Бывшие британские колонии. Гонконг был передан Китаю с сохранением специального статуса в 1997 году; Гибралтар по желанию жителей остается Британской территорией. Права на владение Гибралтаром оспаривает Испания.

¹¹⁸ Порт-Стэнли (*исп.* Puerto Argentino) – столица Фолклендских островов.

¹¹⁹ В 1982 году началась военная операция Израиля на территории Ливана с целью уничтожения баз Организации освобождения Палестины (ООП). Осада Бейрута – ключевой эпизод военной операции, в результате которой формирования ООП были вынуждены покинуть страну. Ильяс Саркис – президент Ливана в 1976–1982 годах.

ДС: *Можно сказать, что тебе нравится Англия?*

ВЕ: Англия очень нравится. Даже своими географическими очертаниями на карте. (*Смеется.*) Что-то в этом есть! Сравни хотя бы с дурацкими очертаниями Ирана, допустим. Или даже Бельгии... Какая-то несуразность в самой конфигурации государства¹²⁰. А Британия мне очень по сердцу, да и вообще британцы... Британцы, если разве что только не в области музыки, так оказали уж слишком сильное на нас на всех воздействие. И уж к британцам-то, кто же равнодушен к ним?

(Вторая сторона кассеты.)

ВЕ: Ну так вот. Музыка, пожалуй, даже большее влияние оказала, чем и поэзия и проза. И многие почему-то находили в этом следы... Но музыка – не манеры XVIII века. Этой всеобщей одержимости вивальдиями, бахами, генделями, альбиньями, чимарбозами, монтевердиями, палестринами я не разделяю. А вот уже понемногу, начиная с позднего Бетховена, через Шопена, Шумана, Мендельсона...

ДС: *А Бах?*

ВЕ: И к Баху совершенно равнодушен. Ни одна строчка Баха меня не трогала, ни единая¹²¹. Если уж любимцев называть, так Густав Малер, Ян Сибелиус, ну, в какой-то степени, Брукнер, Дмитрий Шостакович... Из советских еще, когда попадет удачно под расположение духа, – Прокофьев. Да иногда даже Кабалевский.

ДС: *А Стравинский?*

ВЕ: Ну и, конечно, Игорь Стравинский. Вот Игорь Стравинский тут не вписывается в картину, поскольку мне-то больше по вкусу музыка прочувствованная, что сейчас почему-то кажется пошловатым. Но мне плевать, как кажется, я не боюсь быть старомодным. Главное – неохлажденная игра в музыку. Поэтому не могу понять никаких ни куперенов, ни Рамо... Понятнее мне только музыка, начиная с раннего романтизма.

ДС: *А ты занимаешься только классикой?*

ВЕ: Только. И поэтому из нынешних слушаю только тех, на ком обнаруживаю хоть малый след своих любимцев. Борис Чайковский или Альфред Шнитке – из наших. А из западных когда-то очень любил в особенности раннего Мийо, Артур Онеггер даже не так, а вот Дариус Мийо – да, носился... Со штучками Жана Кокто очень носился – с «Быком на крыше» того же Мийо¹²², с Пуленком... А, да, Карл Орф, еще я забываю, Карл Орф. Вот это – грешен, что забыл, такого человека забыть...

ДС: *А как ты считаешь – Высоцкий, Окуджава...*

ВЕ: Высоцкий, Окуджава – само собой. Это настолько каждодневная любовь к ним, что прямо об этом не говоришь. То есть настолько привычная любовь, как к ближним людям, без которых невозможно. То есть клясться в любви к ним не станешь, поскольку это излишне, как не делаешь это в применении к людям, без которых не обойтись... И меня очень радует, что и русские их любят. Любят, может, немножко с другой стороны и по другим причинам, – но все равно любят. Мне радостно, когда в самых дурных квартирах все-таки иногда бывают проблески. Из окошка, например, хриплый голос Высоцкого... И уже радостно на сердце, и не так черновато смотришь на русских, что-то еще в них теплится.

¹²⁰ Об очертаниях государств см., например, в письме Ерофеева Наталье Шмельковой, написанном 22 августа 1987 года: «Еще отрада, допустим, – мой котенок Пиночет. Я все чаще захожу <...>, чтоб с ним посидеть. При этом я напоминаю ему, наверное, своими очертаниями Норвегию, а он мне – остров Бахрейн» (Шмелькова 2018. С. 61).

¹²¹ Этому утверждению противоречит ряд воспоминаний. См. свидетельство Вячеслава Улитина: «Однажды я был свидетелем того, как он [Ерофеев] несколько раз подряд крутил арию Петра из произведения Баха „Страсти по Матфею“, записанную на пластинку» (Шталь 2019. С. 182–183) и мемуар Ольги Седаковой: «<О>н говорил: „Никогда не пойму, почему носятся с Бахом!“ – но когда я играла баховские прелюдии, он слушал совсем не как тот, кому до Баха нет дела» (Ерофеев 2003. С. 598).

¹²² Либретто балета Дариуса Мийо «Бык на крыше» было написано Жаном Кокто в 1919 г. Впервые балет был поставлен в 1920 г.

ДС: Я хотела узнать: ты читал фольклор?

ВЕ: То есть чей фольклор?

ДС: Русский фольклор или...

ВЕ: Русский фольклор сам-то по себе, сказки эти, были... особенно эти глупые былины – терпеть не могу. Но вот русская песня – вот что, пожалуй, даже сильнее всяких влияний... стернов, Рабле, Гоголя, да и музыкальных, Малера... Да и сильнее влияний всяких цветаевых, и фетов, и тютчевых, все-таки – русская песня. Вот это, пожалуй, наититаничнейшее из влияний. «Об этом больно говорить», – как говорил Томас Манн¹²³. (Смеются.) То есть русская песня – такая глубинная, основная, без всяких этих веселых примесей, без того, чем она стала вдруг к концу прошлого века, а уж тем более чем она стала нонче.

ДС: Мне непонятно, а что ты имеешь в виду, когда говоришь «русская песня»? Народная песня?

ВЕ: Русская народная песня... Прямо начиная от «Липа вековая»...

ДС: А романсы?

ВЕ: Ну и романсы¹²⁴, но романсы... Вот уже я, например, не могу понять романсы там Метнера, или Черепнина, или Катуара, или Гречанинова. Ну Гречанинов – за маленьким исключением. Вот как раз романс нравится прямо пропорционально близости к настоящей русской песне. Как это называется – глубинная русская... У испанцев есть хороший термин для обозначений этого, у всяких де фалей. Это они называли... или Альбенис – Альбенис, по-моему, это называл *cante hondo*...¹²⁵

ДС: А цыганские песни?

ВЕ: О, цыганщина, ну ее к чертям собачьим! Как только вклинивается хоть самая малая цыганизованность, вот это меня уже... я рыло ворочу. Не могу. Поэтому, например, я без ума от романсов Гурилева¹²⁶, потому что они, по существу, русские песни, но терпеть не могу какого-нибудь Дюбюка, его же современника, с его романсами вроде «Зацелуй меня до смерти – от тебя и смерть мила» или «Ах, почему я не бревно»¹²⁷ там и все такое... (Смеются.)

(Конец записи)¹²⁸

¹²³ «И Томас Манн в 42 г.: „И это такая простая правда, что больно говорить о ней“» (Ерофеев 2005. С. 604).

¹²⁴ Наталья Шмелькова свидетельствовала, что в конце 1980-х годов видела у Ерофеева дневник, в который он занес 943 русских романса пятидесяти семи авторов (Шмелькова 2018. С. 35).

¹²⁵ *Cante jondo* (андалус. диалект) – «глубокое пение», класс музыки и поэзии фламенко. См. в записной книжке Ерофеева 1967 года: «т. е. не внешняя испанщина, а глубинное пение – канте хондо (см. „заунывные, страстные, дикие звуки канте хондо“)» (Ерофеев 2005. С. 561; здесь Ерофеев цитирует биографию Лорки авторства Льва Осповата [Осповат Л. Гарсиа Лорка. М., 1965. С. 176]).

¹²⁶ Игорь Авдиев свидетельствовал, что Ерофеев любил «романсы Александра Гурилева на слова Алексея Кольцова („На заре туманной юности...“, „Вьется ласточка...“, „Матушка-голубушка“)» (Черноусый [Авдиев, Игорь]. Памяти Венедикта Ерофеева // Странник. 1991. № 1. С. 79).

¹²⁷ Досл.: «Ах, зачем я не бревно?»

¹²⁸ Расшифровка и комментарий Ильи Симановского и Светланы Шнитман-МакМиллин.

Интервью для телепередачи «Пятое колесо»¹²⁹

Это интервью Венедикта Ерофеева, снятое 25 июля 1988 года и показанное по телевидению 11 августа 1988 года¹³⁰, было его первым появлением на ТВ-экранах и запомнилось очень многим.

Предисловием к расшифровке интервью мы даем воспоминания ТВ-режиссера Натальи Серовой, которыми она поделилась в разговоре с режиссером Ильей Малкиным, снимавшемся для его документального фильма о Ерофееве «Убытие» в 2019 году¹³¹. Кроме Натальи Серовой, мы хотим поблагодарить за любезно предоставленные материалы Илью Малкина, а за биографическую консультацию – Евгения Шталя.

Наталья Серова:

Была на ленинградском телевидении программа, которая называлось «Пятое колесо». Начала она выходить в эфир в апреле 1988 года, а к июлю была уже довольно популярна. Очень много народу смотрело эту программу, очень много журналистов и корреспондентов предлагали разные материалы. И в июле мы приехали в Москву, чтобы снять несколько материалов для очередного выпуска. Журналист, которого звали Леонид Прудовский¹³², предложил нам встречу с Венедиктом Ерофеевым, которого мы хорошо знали по книге «Москва – Петушки». Разумеется, мы с удовольствием согласились и приехали к нему на Флотскую. По сегодняшний день я проклинаю себя за то, что мы не сделали так, как сделали бы сегодняшние папарацци: не включили камеру на лестнице. Потому что, когда Веня открыл нам дверь, первая фраза, которую он сказал нам, была очень значительной и драматической. Он сказал: «Я голоса лишен». Приложив этот свой аппарат к горлу. Вот это «Я голоса лишен» стало камертоном.

Поводом для беседы Прудовского, который за кадром разговаривает с Веней, стало то, что в альманахе «Весть» запланировали выход книги «Москва – Петушки». По-моему, это первая съемка Вени. Их вообще было немного. Разговаривать ему было нелегко, но он, как нам показалось, был доволен тем обстоятельством, что будет этот эфир. Программу они тогда уже знали и очень ждали этого выпуска. Были тревоги: во-первых, пропустят ли материал, а во-вторых – видимо, это уже говорила Галя нам, – состояние его здоровья было таким, что она волновалась: увидит ли он этот материал. К счастью, материал прошел и Веня его увидел¹³³. Вроде они были довольны. Хотя потом какие-то люди в каких-то книжках говорили, что якобы Прудовский хотел, как бы сейчас сказали, пропиариться на этом материале. У меня не осталось такого впечатления. Он совершенно не

¹²⁹ Подготовка текста и примечания О. Лекманова и И. Симановского.

¹³⁰ Шмелькова 2018. С. 177–178, 182.

¹³¹ Расшифровка интервью И. Малкина с Н. Серовой нами была сокращена и минимально отредактирована.

¹³² Приятельские отношения журналиста Леонида Прудовского с Ерофеевым завязались за годы до этого разговора. Самое известное интервью Прудовского с Ерофеевым было сделано в 1989 году и многократно публиковалось в различных журналах и сборниках. См., например: Ерофеев 2003. С. 489–507.

¹³³ О полноте материала, прошедшего в эфир, воспоминания Натальи Серовой и Натальи Шмельковой разнятся. Н. Серова свидетельствует, что в эфир попало «практически все», у Н. Шмельковой читаем: «Веню, конечно, заметно сократили» (Шмелькова 2018. С. 182). Она же вспоминает некоторые вопросы и ответы, не вошедшие в телевизионную версию интервью: «Рассказал, что писать начал с пяти лет. <...> Прудовский спросил: „А как, несмотря на гласность, вы относитесь к самиздату?“ Ерофеев ответил, что приложит все усилия, чтоб он продолжал существовать. „А как вы относитесь к тому, что вы не член Союза писателей?“ – спросил Прудовский. „И слава тебе господи! Их уже и так – тысячи!“» (Там же. С. 177–178).

собирался прославлять себя, никак не вылезал в кадр, не настаивал на том, чтобы его имя звучало рядом с именем Вени. Я испытываю к нему глубокую благодарность за это знакомство и за то, что этот материал вышел и немало способствовал продвижению и популярности программы.

В <каждый> выпуск «Пятого колеса» обычно входило пять-шесть материалов. И несколько материалов мы сняли в один день. С утра мы снимали поэтессу Новеллу Матвееву, – ее предложил нам совсем юный журналист Дима Быков, который почему-то был одет в матросскую форму. Днем мы сняли Веню. А вечером – художника Вячеслава Сысоева. В том же выпуске пошел материал о Пастернаке, и в такой компании Веня вышел в эфир. Вскоре, к сожалению, мы делали уже материал его памяти, тоже в «Пятом колесе».

О том, что мы снимаем такой материал, никто руководству заранее не рассказывал, оно столкнулось уже с фактом. Надо сказать, что мы немножко подрагивали. Когда до нашего непосредственного начальника дошли слухи, что я везде бегаю и кричу: «Приходите посмотреть материал, может быть, его в эфир не пустят!», он встретил меня в коридоре и сказал: «Ну что вы бегаєте по всей студии. Не такой уж я ужасный!» Этот материал пропустили. Бывало, что не пропускали, но этот... этот пропустили.

От Вени больше всего запомнились глаза и ощущение, что он хотел бы сказать гораздо больше, чем может. Ощущение, что каждое слово дается тяжело. И еще – впечатление огромного мужества. Это человек, который смотрит в глаза смерти, и это взгляд светлый, не обиженный. В нем нет ощущения, что кто-то перед ним в чем-то виноват.

«Москва – Петушки». Премьера¹³⁴

Леонид Прудовский (далее – ЛП): *В двух словах расскажи историю своего исключения из института.*

Венедикт Ерофеев (далее – ВЕ): Ну, из института просто... Приказ звучал так: «За дисциплинарное, моральное, идейное и нравственное разложение студенчества Владимирского государственного пединститута имени товарища Лебедева-Полянского»¹³⁵. Отчислить товарища Ерофеева, хотя я был единственным на курсе круглым отличником. И получал стипендию имени товарища Лебедева-Полянского. Повышенную то есть.

ЛП: *А в чем заключалось это разложение?*

ВЕ: А вот этого я до сих пор понять не могу. (Улыбается.)

ЛП: *Вот у меня в руках письмо. Я позволю себе, поскольку оно короткое, зачитать его целиком. «Уважаемый Венедикт! Последние месяцы постоянно думаю о написанном Вами. „Москва – Петушки“ и „Вальпургиева ночь“ не отпускают совершенным знанием предмета, разнообразием болевых ощущений за Отечество. Уникальность письма выделяет Вашу литературу в ряд честнейших исследований человека – представителя нашей весьма несовершенной социальной системы. Надеюсь на более близкое знакомство, я прошу Вас закрепить за Театром на Таганке „Москву – Петушки“ с тем, чтобы в ближайшем будущем мы могли бы совместно с Вами приступить к работе над спектаклем по этой вещи. С искренним пожеланием всего лучшего, симпатией и благодарностью за Ваши труды. Николай Губенко»¹³⁶.*

¹³⁴ Сюжет из телепередачи «Пятое колесо», режиссер Н. Серова, интервьюировал Венедикта Ерофеева Л. Прудовский.

¹³⁵ См. примеч. 4 на с. 35.

¹³⁶ По свидетельству Натальи Шмельковой, это письмо Ерофеев получил от Славы Лёна 26 мая 1988 года, на следующий день после второй операции на горле (Шмелькова 2018. С. 153). Николай Николаевич Губенко (1941–2020) был в эту пору

Веня, поскольку «Москва – Петушки» – вещь, с одной стороны, чрезвычайно известная, а с другой стороны, можно сказать, совсем неизвестная... Поскольку у нас она только предполагается к публикации в издательстве «Книга»¹³⁷. Я хотел бы попросить тебя немножко рассказать о том, как появилась сама идея «Москвы – Петушков» и что же это такое.

ВЕ: Ну, я очень буду короток. Это был <19>69 год. Меня ребята, которые накануне были... ну, так сказать, изгнаны из Владимирского педагогического института за чтение запретных стихов, допустим Марины Ивановны Цветаевой (*улыбается*), ну и так далее, и все такое... они меня попросили написать что-нибудь такое, что бы их, ну, немного распотешило, и я им обещал¹³⁸. Я рассчитывал всего на круг людей, ну примерно двенадцать, ну двадцать людей, но я не предполагал, что это будет переведено на двенадцать-двадцать языков¹³⁹. Вот так, примерно.

ЛП: Скажи, пожалуйста, ты назвал «Москву – Петушки» поэмой. Так же как в свое время поэмой назвал Гоголь «Мертвые души». Но откуда определение жанра такое? И второй вопрос: кого ты считаешь своими учителями?

ВЕ: Учителями... во-первых, <среди> нерусских. Во-первых, наверное, Стерна¹⁴⁰. А потом еще кого? Если пошарить по Европе, Рабле, конечно¹⁴¹. Ну а русских влияний тут было поменьше, хотя штука совершенно русская, но влияний больше заморских, то есть не заморских, а закордонных.

ЛП: А определение жанра – поэма?

ВЕ: Поэма... я же просто (?)... Меня попросили назвать это хоть как-нибудь. Опять же, знакомые – но ведь не может быть, чтобы сочинение не имело никакого жанра. Ну, я пожал плечами, и первое, что мне взбрело в голову, было – «поэма». И я махнул рукой и сказал: «Если вы хотите, то (?) пусть будет поэма». Они сказали: «Нам один хрен, это поэма или повесть», но я <тогда> подумал: поэма¹⁴².

ЛП: ...о совсем малоизвестной твоей вещи, ее мало кто читал, она, в отличие от пьесы и «Петушков», известности не получила. Это «Василий Розанов глазами эксцентрика». Откуда взялось это эссе блистательное о Розанове?

ВЕ: Это очень даже просто. У меня не было крыши над головой. Ко мне подъехала женщина, которая сейчас в группе «Память». Скверная бабенка, между нами говоря. И предложила мне – вот у нее есть домик в саду маленький. «Вы поживите там лето <19>73 года, а за это вы обязуетесь написать ну что-нибудь, какую-нибудь самую малость». Я подумал, что крыша над головою, хоть самая дырявая, мне сейчас нужна, и согласился. Но в это же время

главным режиссером Театра на Таганке. Отметим, что и Юрий Петрович Любимов (1917–2014), в том же году вернувшийся в СССР и вскоре вновь возглавивший Театр на Таганке, проявлял большой интерес к личности Ерофеева и постановкам по его произведениям.

¹³⁷ На самом деле «Книжная палата».

¹³⁸ Из близкого владимирского окружения Ерофеева того времени можно выделить Бориса Александровича Сорокина (1940–2021) – ушел из Владимирского пединститута (ВГПИ) в 1962 году, Владислава Викторовича Цедринского (1940–2010) – отчислен из ВГПИ в 1963 (?) году, Андрея Васильевича Петяева (1947–2018) и Валерия Федоровича Маслова (р. 1946) – отчислены из ВГПИ в 1966 году, Игоря Ярославича Авдиева (1948–2001) – отчислен из ВГПИ в 1968 году (см.: Шталь 2019. С. 21, 95, 116, 136, 156). О том, что кто-то из них был исключен «за чтение запретных стихов», нам неизвестно, однако, например, чтение Библии и прочее «вольномудство» во ВГПИ действительно не поощрялось. Знакомство с Ерофеевым, который, по мнению местного руководства, оказывал дурное влияние на студентов, распространяя среди них религиозную и декадентскую литературу и провоцируя анархические настроения, послужило прямым или косвенным поводом для отчисления некоторых его друзей из ВГПИ.

¹³⁹ Действительно, к этому времени Ерофеев был переведен приблизительно на двенадцать языков. С 1976 по 1988 год вышли книги на английском, французском, немецком, итальянском, шведском, голландском, польском, словенском и сербском языках. На подходе были издания на испанском, финском и чешском. Этот список расширяется и по сегодняшний день.

¹⁴⁰ См. примеч. 3 на с. 42.

¹⁴¹ В качестве яркого примера влияния Франсуа Рабле приведем сходство образа жизни орехово-зуевских соседей Венички Ерофеева и обитателей Телемского аббатства из «Гаргантюа и Пантагрюэля» (см.: Левин 1996. С. 38, Власов 2019. С. 206–207).

¹⁴² Ср. с ответом Ерофеева на этот же вопрос в интервью Дафни Скиллен (наст. изд., с. 49–50).

подъехал ко мне человек, занимающий совсем противоположные позиции, главный редактор журнала «Евреи в СССР» и предложил тоже маленькую крышку над моей маленькой головой (*улыбается*), но в качестве вознаграждения. Может быть, это в самом деле даже было в один и тот же день, не помню какой-то <день> в конце мая <19>73. И <попросили> написать хоть что-нибудь для журнала «Евреи в СССР». Так что я был обречен думать, для кого же писать-то: для ультрарусского журнала или ультраанаболического¹⁴³. И поэтому я выбрал Василия Розанова, который... я еще думал, что же все-таки выбрать, а потом подумал: Василий Розанов в свое время метался между тем и другим¹⁴⁴. Ну, он, правда, метался гораздо в более крупном масштабе и не из таких соображений жилищно-коммунальных, как я. Стало быть, так. (?) Ну я взял это и нагородил все, что сумел. <...>

ЛП: Вот передо мной газета «Известия» от 22 июня, где генеральный директор НПО «Книжная палата» Торсуев и главный редактор «Известий» дают интервью газете и сообщают, что в издательстве «Книга», в альманахе «Весть», выходит «Москва – Петушки»¹⁴⁵, которая здесь поименована среди неизвестных произведений, произведений неизвестных авторов¹⁴⁶. Ну и кроме того, существует протокол собрания экспериментальной самостоятельной группы «Весть». «Присутствовали: Каверин, Окуджава, Давид Самойлов, Фазиль Искандер, Сухарев, Гутман, Давыдов, Евграфов, Ефремов, Калугин. Отсутствовали по уважительным причинам: Быков, Межелайтис, Черниченко»¹⁴⁷. Где есть пятый пункт: «Решено установить денежную премию за лучшую публикацию в сборнике „Весть“ и вручить ее Ерофееву В. В. за повесть „Москва – Петушки“». Как ты к этому относишься? К своему...

ВЕ: Мне очень понравился пятый пункт, естественно (смех)¹⁴⁸. А все остальные тоже ничего, но пятый немножко получше.

ЛП: Ну что же, Веня, ты выходишь... Слава богу, будем надеяться, что ты выходишь уже на официальную орбиту, что ты войдешь в круг чтения всех, кто любит, ценит и знает русскую литературу, и твои книги станут такими же доступными, как книги уважаемых авторов, поименованных в редколлегии альманаха «Весть».

ВЕ: Ну сколько можно держать табу в сущности на имени, которое этого даже не достойно.

ЛП: Ну уж насчет «недостойно» это ты как-то... (Ерофеев *улыбается*.)

ВЕ: Но все-таки хорошая компания подобралась – вот опять же, от Фазили до Василя Быкова¹⁴⁹.

¹⁴³ История о соперничестве за эссе о Розанове журналов «Вече» и «Евреи в СССР» вымышлена Ерофеевым. См. примеч. 2 на с. 20.

¹⁴⁴ Печатавая свои статьи в 1906–1912 годах одновременно в консервативном «Новом времени» и в либеральном «Русском слове», Розанов тем самым заслужил обвинения в беспринципности и двуличности. Сам он рассуждал об этом так: «Мне ровно наплевать, какие писать статьи, „направо“ или „налево“. Все это ерунда и не имеет никакого значения» (Розанов В. Уединенное. М., 1990. С. 316).

¹⁴⁵ Леонид Прудовский допускает здесь ряд ошибок. Статья «Редакция на подряде» опубликована в номере за 23 июня. Кроме генерального директора НПО «Всесоюзная книжная палата» Юрия Торсуева, в интервью принимает участие не главный редактор «Известий», а главный редактор издательства «Книжная палата» Вячеслав Кабанов (см.: [Максимова Э.] Редакция на подряде // Известия. 1988. 23 июня. С. 3).

¹⁴⁶ «Неизвестные произведения неизвестных авторов» в статье не цитируются, но В. Кабанов говорит: «Большинство перьев малоизвестны, в основном молодежь, своя книга есть всего у двух-трех. Остальные пробовали силы лишь однажды – в журнале, в газете. Собранные воедино, эти произведения должны пробить брешь в консервативной издательской обороне. Одну повесть все же назову как самую необычную – „Москва – Петушки“ В. Ерофеева. Монолог павшего человека, не сумевшего вписаться в общество и в свое время, время неподвижности, застоя <...> Спорная по всем статьям <вещь>, но талантливая. Потому и печатаем» (Там же).

¹⁴⁷ Леон (Юрий) Наумович Гутман (р. 1946), по основной профессии – актер и режиссер театра. В альманахе «Весть» опубликована его комедия «Вздор». Игорь Алексеевич Калугин (р. 1943), поэт; также опубликовал свои стихи в альманахе. Об остальных участниках «Вести» см., например, статью в «Википедии» «Весть (литературный альманах)».

¹⁴⁸ Пятый пункт в СССР – эвфемизм национальности, что придает шутке Ерофеева дополнительное измерение.

¹⁴⁹ Если Василя Быкова Ерофеев неизменно выделял из современных ему прозаиков, то к Фазилу Искандеру его отно-

ЛП: *Хорошо, спасибо, Веничка. Больше мы не будем тебя мучить.*

ВЕ: Конечно, сколько же можно. (*Улыбается.*)

«Москва – Петушки» (туда и обратно)¹⁵⁰

Третье из известных нам интервью Венедикта Ерофеева с Леонидом Прудовским, которое вошло в короткий документальный фильм «„Москва – Петушки“ (туда и обратно)», было сделано позже двух остальных¹⁵¹ – вероятно, в теплый сезон 1989 года. Фильм сохранился в домашнем архиве режиссера Александра Куприна и выложен сейчас на его youtube-канале для всеобщего обозрения¹⁵². Мы благодарим Александра Куприна и приводим здесь его рассказ о двух встречах с Венедиктом Ерофеевым. Благодарим также режиссера Илью Малкина, разговор которого с А. Куприным лег в основу этого мемуара¹⁵³.

Александр Куприн:

Я тогда работал режиссером в «Огонек-видео». В то время «Огонек» выпускал не только журналы, но и документальные фильмы на VHS-кассетах. Эти кассеты показывались в видеосалонах, каких-то санаториях, пансионатах. В Москве это было очень распространено. Работали мы только с журналистами «Огонька». И был прекрасный журналист, мой друг Лёня Прудовский. Он предложил мне снять фильм о Венедикте Ерофееве.

Прежде чем поехать к Ерофееву, я, естественно, прочитал поэму «Москва – Петушки», – мне дали несколько журналов «Трезвость и культура», где она была напечатана. И мы с Лёней поехали на Флотскую.

Венедикт давал интервью, пользуясь прибором, без которого говорить почти не мог. Это шокировало, получался неживой странный металлический голос, приводящий в трепет и ужас. И у меня было ощущение, что он совершенно не передает ни интонации, ни эмоциональную окраску рассказа. Но Ерофеев этот прибор поборол. То, что он рассказывал – пусть и таким страшным голосом, – увлекало, и вскоре мы уже хохотали. Всё было очень весело. Я сидел под столом, чтобы не мешаться в кадре, и держал микрофон. А Лёня Прудовский задавал вопросы. Было видно, что сам он все это знает много лет, оказалось, что они с Ерофеевым давно знакомы.

Сюжет этот стал очень популярен, люди переписывали друг у друга кассеты. Но многие мои друзья не смогли его смотреть – в таком Ерофеев был плачевном состоянии. У меня же, молодого режиссера, осталось от съемки чувство очень сильное и очень тяжелое. Я впервые увидел человека, который очень болен и при этом очень весел. И было ощущение, что сквозь браваду выглядывал не очень понятный мне человек, который очень искусно скрывал страх перед тем, что его ожидало. Было видно, как он борется с этим страхом. И было видно, что он нам благодарен. Этой веселой съемке, что ей занимается столько людей. Он как бы побеждал с нашей помощью.

Когда я принялся за монтаж, у меня было подсознательное чувство, что с помощью этого фильма, мы как-то можем продлить Ерофееву жизнь. И поэтому я взял запись, на которой он читает свою поэму еще нормальным

¹⁵⁰ Подготовка текста и примечания О. Лекманова и И. Симановского.

¹⁵¹ После интервью для телепередачи «Пятое колесо», состоявшегося 25 июля 1988 года (наст. изд., с. 56–63), и интервью, известного под названиями «Сумасшедшим можно быть в любое время» и «Жить в России с умом и талантом...», датированного 7 марта 1989 года (см.: *Ерофеев В. Жить в России с умом и талантом... // Апрель. Выпуск 4. М., 1991. С. 236*, а также: Шмелькова 2018. С. 234).

¹⁵² <https://www.youtube.com/watch?v=tkReeVBuZZc>.

¹⁵³ Интервью с А. Куприным (не публиковалось) было сделано в 2019 году для документального фильма И. Малкина «Убытие» (2020).

голосом, и включил в наш телесюжет монолог из «Москвы – Петушков». Где Венечка приезжает к больному сыну и говорит у его кровати: «Ты... знаешь что, мальчик? ты не умирай...» И потом: «Ты еще встанешь, мальчик, и будешь снова плясать под мою „пороссячую фарандолу“». Для нас этот кусочек был очень важным, потому что где-то я прочитал мысль, что каждый фильм должен быть молитвой о чем-то. Этот фильм был молитвой о здравии.

Когда все было готово, я подумал, что надо показать Ерофееву результат, и снова поехал на Флотскую. Дверь открыла Галина и сказала, что Ерофеева нет. Я сказал, зачем пришел, и тогда она дала мне адрес дома неподалеку. Там меня встретила брюнетка – как я потом понял, это была Наташа Шмелькова, – и проводила к Ерофееву. Венечка лежал в кресле. Было видно, что он себя плохо чувствует. Я сказал, что, как честный человек, приехал показать ему фильм. Чтобы он его посмотрел и оценил, хорошо ли получилось.

– А что там, в фильме? – спросил Ерофеев.

– Интервью. И еще я экранизировал кусочки из «Москвы – Петушков». Использовал ваш голос.

– Как вы думаете, хорошо получилось?

– Я сомневаюсь... у вас здесь стоит видеомэгнитофон...

– Да. Но давайте не будем расстраиваться, наверняка получилось плохо.

Может, коньячку?

– А как же кассета?

– Оставьте себе.

Получилось так, что по сути Ерофеев подарил мне мой собственный фильм. И благодаря этому кассета у меня сохранилась. Возможно, единственный экземпляр.

Мы выпили. Коньяк был – я очень хорошо это помню – дагестанский, «Дербент». Я удивился, как Ерофеев вбросил в себя рюмочку, мне казалось, что у него там нет гортани. И даже спросил его. «Как-то коньяк туда попадает», – пояснил Ерофеев.

Я встречался с этим человеком два раза. И два раза он меня оглушил, я от него выходил в состоянии легкой контузии. Это неизгладимое впечатление на всю жизнь.

Я думаю, что Ерофеев очень хотел – так или иначе – остаться. Своими текстами и интервью у читателей и зрителей. Своей личностью в памяти друзей. Даже сына он назвал Венечкой, наверное, тоже чтобы остаться. И ему это удалось. Он остался. Он создал потрясающий образ свободного, совершенно независимого, смелого, ироничного человека.

Как его любили женщины – это было страшно смотреть. Да и мужчины тоже.

«Москва – Петушки» (туда и обратно)¹⁵⁴

Леонид Прудовский (далее – ЛП): Скажи, а отец в каком году вернулся из лагеря?

Венедикт Ерофеев (далее – ВЕ): Вернулся в <19>54-м¹⁵⁵.

ЛП: И ты тогда из детского дома вернулся или раньше?

¹⁵⁴ Продукция «Огонек – видео». Автор сценария документального фильма – Леонид Прудовский, режиссер – Александр Куприн, продюсер – Валерий Яковлев, оператор – Андрей Квардаков.

¹⁵⁵ См. примеч. 2 на с. 46.

ВЕ: В <19>53-м, чуть-чуть пораньше.

ЛП: *То есть мать приехала, да?*

ВЕ: Ну да¹⁵⁶.

ЛП: *И забрала из детского дома. А дальше как развивалась твоя жизнь?*

ВЕ: Ну а дальше очень просто. Я закончил в <19>55 году десятилетку и отправился в Москву по примеру Михайлы Ломоносова. Правда, без рыбного обоза.

ЛП: *Ну хорошо, Венечка. Вот ты благополучно поступил с золотой медалью в Московский университет. А как же так произошло, что ты оказался за его бортом?*

ВЕ: Ну это опять очень даже просто. Я первую сессию сдал всю на отлично¹⁵⁷. Я решил вообще похерить военные занятия. Это послужило поводом¹⁵⁸. Уже на втором курсе в октябре меня к чертям собачьим... Уволен¹⁵⁹. Я не возражал.

ЛП: *Следующий этап твоего учения был Владимирский институт имени Лебедева-Полянского.*

ВЕ: В <19>62 году уже в январе месяце декан факультета объявила, что прием мой в институт был ее самой большой педагогической ошибкой¹⁶⁰. Поскольку там публика в институте раскололась на так называемых «попов»... хотя никаких попов <нрзб>. На «попов» и «комсомольцев», которые враждовали чуть ли не до поножовщины. Но во всяком случае до рукоприкладства дело доходило. Шли прямо стенка на стенку¹⁶¹.

ЛП: *Это ты расколол бедных студентов?*

ВЕ: Выходит, что так. Потому что до этого раскола не было.

ЛП: *А каким же образом тебе это удалось, Венечка?*

ВЕ: Понятия не имею. Я, по-моему, лежал только, полеживал. Иногда попивал. И беседовал с ребяташками о том о сем. Так что меня сначала поперли из общежития, потом из института¹⁶². Но дело в том, что институтская молодежь продолжала ходить ко мне¹⁶³. Я стал кочегаром¹⁶⁴. У меня в кочегарке устроили цикл лекций на тему «История христианства»¹⁶⁵.

ЛП: *То есть за одно общение с тобой можно было быть исключенным уже из института.*

¹⁵⁶ Анна Андреевна Ерофеева (1898–1972) вернулась в Кировск в 1952 году. Из детского дома Венедикта забирал отец, о чем 7 июля 1953 года оставил расписку, опубликованную Евгением Шталем (см.: Шталь 2019. С. 65, 223).

¹⁵⁷ В личном деле Ерофеева, хранящемся в архиве МГУ, есть выписка из приказа от 30 января 1956 года, в которой Ерофеев зачисляется на стипендию, «как выполнивший учебный план I семестра с отличными и хорошими оценками» (Архив Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Ф. 8. Оп/л. (9). Ед. хр. 1286). Выписка обнаружена Юлией Красносельской.

¹⁵⁸ См. об этом в наст. изд. – с. 74–75, 84.

¹⁵⁹ В выписке из приказа об отчислении из МГУ (см. примеч. 1 на с. 47) Ерофеев обозначен как студент первого курса.

¹⁶⁰ Декан филологического факультета Раиса Лазаревна Засья (1924–2006) изначально благоволила к талантливому студенту, но затем ее отношение к Ерофееву переменялось (см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 118–122, 133–138). В дневнике Ерофеева есть запись о разговоре с ней, состоявшемся незадолго до отчисления, 18 января 1962 года: «Беседа с деканом. „Вы не имеете права учиться здесь, Ерофеев. Если даже вы постоянно будете отличником. Надеюсь, вы меня понимаете. Послезавтра, в субботу, вы должны придти ко мне и сказать свое слово. Вы самый заметный человек в институте, вы это знаете“ и т. д.» (Ерофеев 2005. С. 165).

¹⁶¹ Ср. с рассказом Ерофеева о противостоянии «попов» и «комсомольцев» в интервью Л. Прудовскому от 7 марта 1989 года (Ерофеев 2003. С. 497–498).

¹⁶² Приказ ректора об отчислении Ерофеева из ВГПИ датирован 30 января 1962 года (Шталь 2019. С. 171). Из общежития Ерофеев был выселен несколькими месяцами раньше, в октябре – ноябре 1961 года, решением общего собрания и профкома института (см.: Ерофеев 2005. С. 161; Шталь 2019. С. 168–169).

¹⁶³ После изгнания из общежития Ерофеев жил во Владимире на разных частных квартирах, где его навещали друзья из ВГПИ (см.: там же. С. 161, 166; Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 128).

¹⁶⁴ Согласно трудовой книжке, Ерофеев работал кочегаром 5 разряда в Жилищно-коммунальной конторе с 16 февраля по 17 апреля 1962 г. (Авдиев 1998. С. 157).

¹⁶⁵ В докладной на имя ректора ВГПИ Б. Киктева декан филологического факультета Р. Засья вменяет Ерофееву в числе прочих грехов «чтение и распространение среди студентов Библии, привезенной им в общежитие, якобы „для изучения источников средневековой литературы“» (Шталь 2019. С. 169).

ВЕ: Это уже было указом... майским¹⁶⁶.

ЛП: Скажи, а вот грандиозные свершения – <19>62–<19>63 год. Летали космонавты, перекрывали Енисей¹⁶⁷. Как они на твоей жизни отразились, эти грандиозные свершения?

ВЕ: Скажем, я... о полете Гагарина я узнал, по-моему, через две недели после того, как он приземлился. Мне было решительно на это наплевать с самого начала. А что Енисей перекрыли, об этом я только недавно стал узнавать. На сорок восьмом – сорок девятом году жизни. (Улыбается.)

ЛП: То есть все грандиозные свершения прошли мимо тебя?

ВЕ: Мимо. И слава тебе господи. Поэтому я чуть-чуть умом и сохранился. А то могло быть хуже.

ЛП: А радио у тебя было?

ВЕ: Было постоянно.

ЛП: Включено постоянно было?

ВЕ: Ну, иногда я включал. Но включал исключительно, когда были приятные мне русские романсы или симфоническая музыка. Остальное... (Машиет рукой.)

ЛП: Ну хорошо, Ерофеев, а мне бы хотелось немножко прояснить историю с пистолетами и с объявлением Ерофеева персоной нон-грата в городе Владимире¹⁶⁸. Что же это все-таки было?

ВЕ: Является ко мне в рабочее общежитие неизвестный человек. Присаживается ко мне и говорит: «Вы Ерофеев?» Я говорю: «Ну да». – «Так. Давайте ящик водки, и у вас будут три пистолета»¹⁶⁹. Я говорю: «Так зачем же мне пистолеты? Да откуда я вам возьму ящик водки? В сущности, это мой месячный заработок кочегара». Тогда она еще была дешевой. «Нет, я ничего что-то не понимаю. Вы Ерофеев?» Я говорю: «Ну да, до какой-то степени». – «Ну, значит, вам нужны пистолеты». Я говорю: «Боже мой. Я что-то не понимаю. Я вчера слишком перебрал или еще чего... Но зачем, – я говорю, – пистолеты?» – «Да знаем, знаем. Нужны ведь. Нужны. Хорошо. Давайте <нрзб> давайте согласимся на пол-ящика водки. И вам будет четыре пистолета». Я говорю: «Очень милая торговля»¹⁷⁰. (Смеются.) Может быть (?), спустя три дня подъехал роскошный мотоцикл, и посадил меня, и увез в очень определенное здание. Такое здание, вот этот последний этаж занимает КГБ¹⁷¹. «Короче, – сказали они. – Даем вам сорок восемь часов покинуть пределы Владимира и Владимирской области. Чтобы ноги вашей здесь не было»¹⁷². Я говорю: «Куда, в каком направлении вы предлагаете мне ехать?» – «Куда угодно. Еще хорошо, это не прежние времена. Мы бы вам точное дали направление». Такой «азимут», как они выразились.

¹⁶⁶ В феврале 1962 года Ерофеев записывает в дневник: «Серия комсомольских собраний на всех пяти факультетах. Запрещено не только навещать меня, но даже заговаривать со мной на улице. Всякий заговоривший подлежит немедленному отчислению из ВГПИ. Неслыханно» (Ерофеев 2005. С. 166). Про майский указ нам ничего не известно.

¹⁶⁷ Отсылка к знаменитой песне Ю. Визбора «Рассказ технолога Петухова»: «Зато, говорю, мы делаем ракеты / И перекрыли Енисей...» (Русские стихи 1950–2000 годов: Антология (Первое приближение): В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 586).

¹⁶⁸ Прудовский возвращается к темам, затронутым им в предшествующем интервью с Ерофеевым (Ерофеев 2003. С. 493, 495–496).

¹⁶⁹ Напомним, что с упоминания о трех пистолетах завязывается сюжет эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика»: «Я вышел из дому, прихватив с собой три пистолета; один пистолет я сунул себе за пазуху, второй – тоже за пазуху, третий – не помню куда» (Ерофеев 2019. С. 371).

¹⁷⁰ См. о темной истории с пистолетами в другом интервью Прудовскому: Ерофеев 2003. С. 493, 505–506.

¹⁷¹ Управление КГБ в г. Владимире находилось на ул. III Интернационала (сегодня – Большая Московская) и занимало одно из зданий Богородице-Рождественского монастыря. Мы благодарим за консультацию Алексея Чернявского.

¹⁷² Ср. с рассказом Ерофеева в интервью В. Ломазову: «...из Владимира меня вывезли на мотоцикле, взяв перед тем подпису, что я покину область в сорок восемь часов. Вывозили меня по ходатайству институтской парторганизации, секретарь которой говорил обо мне так: „Сначала нашу землю топтали сапоги немецко-фашистских извергов, а теперь ее топчет Венедикт Ерофеев своими тапочками...“» (Ломазов В. Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым // Театр. № 4. 1989. С. 33). Также см. рассказ Ерофеева об этом: наст. изд., с. 18–19, 35–36.

ЛП: *Веничка, как ты отнесся к тому, что теперь принято называть перестройкой?*

ВЕ: Хрен с ней, пусть перестраиваются. Мне до этого нет ни малейшего дела. Кто хочет, пусть перестраивается, а мне перестраивать нечего¹⁷³. Я, как говорил кто-то... по-моему, аббат Сийес: «Что вы делали во время диктатуры Робеспьера?» Он ответил: «Я оставался в живых»¹⁷⁴. Ну так вот, я просто остаюсь в живых.

¹⁷³ Ср. в интервью Ерофеева И. Болычеву: «– А что вы скажете о перестройке? / – Мне незачем перестраиваться. Остаюсь статус-кво, и навеки останусь. / – А вообще? / – А вообще-то недурно» (Ерофеев 2003. С. 523). По свидетельствам многих современников, Ерофеев воспринимал события перестройки с интересом и воодушевлением (см., например: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 401).

¹⁷⁴ Аббат Сийес (*Emmanuel Joseph Sieyès*, 1748–1836) – один из политических теоретиков Великой Французской революции.

Интервью польским кинематографистам¹⁷⁵

Интервью, расшифровку которого мы здесь помещаем, состоялось 27 марта 1989 года во Всесоюзном научном центре психического здоровья¹⁷⁶ на Каширском шоссе, куда Ерофеев в то время¹⁷⁷ был в очередной раз помещен по настоянию врачей и близких, озабоченных его физическим и моральным состоянием на фоне очередного запоя¹⁷⁸.

Интервьюировал Ерофеева для своего фильма польский режиссер Ежи Залевски¹⁷⁹, переводчиком с польского и вторым интервьюером была актриса Нина Черкес-Гжелоньска, ассистировал им Константин Ляховский. Также при интервью присутствовали актриса Жанна Герасимова¹⁸⁰ и жена Ерофеева, Галина Ерофеева (Носова)¹⁸¹. Позднее к ним присоединились литератор Слава Лён¹⁸², художник Борис Козлов и артист Георгий Бурков¹⁸³.

Интервью было расшифровано нами по видеозаписи, хранящейся в личном архиве Нины Черкес-Гжелоньской, которой мы приносим глубокую благодарность за предоставленные материалы и помощь. Благодарим за помощь также Екатерину Четверикову, Жанну Герасимову, Олега Дарка, Ирину Дмитренко и Ирину Тосунян.

Нина Черкес-Гжелоньска (далее – **НЧ**): *<Вы сами переправили «Москву – Петушки» за границу?>*¹⁸⁴

Венедикт Ерофеев (далее – **ВЕ**): Упаси Бог! За меня это без моего ведома сделал один художник, который выезжал в Израиль¹⁸⁵ и попутно прихватил с собой... Как-то преодолел эти таможенные препоны и благополучно доставил в Иерусалим. И он выехал в начале семьдесят <третьего> года, а уже во второй половине семьдесят третьего года в Иерусалиме напечатали впервые... Так что Израиль оказался первой державой, которая...

НЧ: *<Что послужило первым толчком к написанию поэмы «Москва – Петушки»?>*

ВЕ: Первым толчком было, что я ехал как-то зимой рано утром из Москвы в Петушки и стоял в тамбуре. Разумеется, ехал без билета. Я до сих пор не покупаю билет, хотя мне уже пошел шестой десяток <в> этот год¹⁸⁶. Я стоял в морозном тамбуре. И курил. И курил <нрзб> свой «Беломор». И в это время дверь распаивается, контролеры являются. И один сразу прошел в тот конец вагона (*показывает жестом*), а другой остановился: «Билетик ваш!» Я говорю: «Нет билетика». – «Так-так-так. А что это у вас из кармана торчит пальто?» А у меня была початая уже, – я выпил примерно глотков десять, – бронебойная бутылка вермута такая

¹⁷⁵ Подготовка текста и примечания О. Лекманова и И. Симановского.

¹⁷⁶ Сегодня – Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ).

¹⁷⁷ Ерофеев проходил лечение в ВНЦПЗ с 15 марта по 21 апреля 1989 года (по записям из личного архива лечащего врача-психиатра В. Ерофеева Ирины Викторовны Дмитренко).

¹⁷⁸ По записям Ирины Дмитренко. Также см. об этом: Шмелькова 2018. С. 235, 237, 240–241.

¹⁷⁹ Ежи Залевски (Jerzy Zenon Zalewski, р. 1960), польский режиссер, сценарист.

¹⁸⁰ Жанна Михайловна Герасимова, актриса.

¹⁸¹ Галина Павловна Ерофеева (Носова, 1941–1993), экономист, вторая жена Ерофеева.

¹⁸² См. примеч. 4 на с. 14.

¹⁸³ Борис Николаевич Козлов (1937–1999), художник-авангардист, Георгий Иванович Бурков (1933–1990), актер.

¹⁸⁴ Здесь и в ряде других случаев мы реконструировали отсутствующие на записи вопросы интервьюеров.

¹⁸⁵ Имеется в виду художник Виталий Львович Стесин (1940–2012), в мае 1973 года эмигрировавший из СССР. Ерофеев считал его главным «виновником» первой публикации «Москвы – Петушков» в израильском журнале «АМИ», хотя причинно-следственная связь между эмиграцией Стесина и публикацией поэмы нами не установлена (однако и не исключена). Утверждение же, что Стесин распоряжался текстом «Москвы – Петушков» без ведома автора, вызывает сомнения – ср. с репликой Ерофеева из интервью Сергею Куняеву: «У Стесина все гонорары. <...> Я же подписал ему бумагу на все будущие гонорары за все будущие произведения» (Куняев С. [Вторая часть последней беседы писателя]. С. 4).

¹⁸⁶ В это время Ерофееву пятьдесят лет и пять месяцев.

восемьсотграммовая. Но она в карман-то не уместается, и я потерял бдительность, и горлышко торчало. «Что это у тебя там?» Я говорю: «Ну... вермут<ишка(?)> там». – «А ну-ка вынь, дай-ка посмотреть!» Он посмотрел, покрутил (*показывает, как запрокидывает бутылку и пьет из горла контролер*), буль-буль-буль-буль-буль-буль-буль... (Смех.) Буль-буль... «На! – рядом ногтем отметил... (*Показывает, как контролер ногтем большого пальца отметил на бутылке уровень выпитого.*) – На, езжай! Дальше – беспрепятственно!»

НЧ: *Замечательно, браво!*

ВЕ: И вот с этого и началось. Это был тогда... Это <было> в декабре 69-го года. Я решил написать маленький рассказик на эту тему, а потом думаю: зачем же маленький рассказик, когда это можно...¹⁸⁷ И потом... из этого началось путешествие(?).

НЧ: *<Какое у вас образование?>*

ВЕ: Образование? Закончил десятилетку. Поступил в Московский университет, но продержался там ровно полтора года – три семестра, как у нас говорят. И вышибли за... Как раньше говорили в XIX веке «за нехождение в классы»¹⁸⁸. Дело в том, что я демонстративно отказался от посещения военных занятий. Из принципа¹⁸⁹.

НЧ: *Вот это очень важно.*

ВЕ: Да. Наш майор нас предупредил: вы можете пропустить целый семестр занятий по всем этим вашим вонючим античным литературам, древнерусским литературам, истории языкознания и все такое, все это... – и он даже поморщился и сплюнул почти¹⁹⁰. А если кто пропустит три-четыре военных занятия, то он подлежит просто без предупреждения исключению из университета.

НЧ: *Ах, вот в чем дело. Это совершенно меняет обстоятельства!*

ВЕ: Вот это меня взбесило. Что я делал после университета? (*Берет лист бумаги и по нему начинает читать.*) После отчисления с марта 57-го года работал в разных качествах и почти... (*В голосовом аппарате садится батарейка, Ерофеев разводит руками.*)

Мужской голос: *Ну чего, ты должен прочитать этот текст, да?*

ВЕ: Ты ничего не понял, помалкивай покуда.

Мужской голос: *Ты должен понимать, у нас время поджимает. Давай <не зачитывать>.*

ВЕ: Но я отвечаю просто на вопрос. Кем я работал после того, как меня вышибли из МГУ.

Мужской голос: *Я все понимаю. Давай читай, да.*

ВЕ (*продолжает зачитывать*): ...почти повсеместно. И так: грузчиком продовольственного магазина в Коломне, подсобником каменщика на строительстве Черемушек (Москва), истопником-кочегаром (Владимир), дежурным отделения милиции в Орехово-Зуеве, приемщиком винной посуды (Москва), бурильщиком в геологической партии на Украине, стрелком военизированной охраны, ВОХР (Москва), библиотекарем в Брянске, коллектором в геофизической экспедиции в Заполярье, заведующим цементным складом на строительстве шоссе Москва – Пекин (Дзержинск Горьковской области) и многое другое¹⁹¹. Самой длительной,

¹⁸⁷ Или «маленькие рассказы» (на записи неразборчиво).

¹⁸⁸ Устойчивое выражение, возникшее в учебном российском обиходе задолго до XIX в. См., например, цитацию в том фрагменте статьи В. П. Степанова «Новиков и Чулков (Литературные взаимоотношения)», где рассказывается как раз об исключении Н. И. Новикова из московского университета: «Новиков был отчислен из университета за „леность и нехождение в классы“» (XVIII век. Сборник 11. Л., 1976. С. 49).

¹⁸⁹ На самом деле Ерофеев перестал посещать не только занятия на военной кафедре, но и занятия в МГУ вообще. Подробнее см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 80–89. См. также наст. изд., примеч. 1 на с. 47.

¹⁹⁰ Ерофеев понизил военрука в звании – имеется в виду, скорее всего, полковник Левицкий. См. воспоминания однокурсников Ерофеева: Романев Ю. Мой Радциг. Мои Дератани // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг.: Воспоминания выпускников. С. 214 и Ермоленко Н. Мои студенческие годы // Там же. С. 375).

¹⁹¹ См. примеч. 1 на с. 34.

однако, оказалась служба в системе связи – почти десять лет: монтажник кабельных линий связи (Тамбов, Мичуринск, Елец, Орел, Липецк, Смоленск, Литва, Белоруссия – от Гомеля через Могилев до Полоцка). А единственной работой, которая пришлась по сердцу, была в 1974 году в Голодной степи (Узбекистан), работа в качестве «лаборанта паразитологической экспедиции», и в Таджикистане в должности «лаборанта ВНИИДиСа по борьбе с окрыленными кровососущими гнусами»¹⁹².

НЧ: *<Расскажите о пропаже вашей пьесы.>*

ВЕ: Ну, это уже настолько известная история...

НЧ: *А я не знала. Как она потерялась?*

ВЕ: Ее сперли в электричке. Сперли-то не ее, а...

НЧ: *Как она называлась, расскажите нам!*

ВЕ: «Дмитрий Шостакович»¹⁹³. Это не пьеса, а тоже что-то вроде поэмы в прозе.

НЧ: *Это поэма, да?*

ВЕ: Примерно. И даже манера повествования примерно смахивала на «петушинскую» манеру.

НЧ: *Она исчезла в электричке – ее кто-то украл или как?*

ВЕ: Украл, потому что она была завернута в газету вместе с записными книжками. Она черновая, мне надо было ее переписать набело. Все это было завернуто в газету, а вне газеты лежали три бутылки вина. Потому что я их приготовил для своего начальника участка¹⁹⁴. Я ехал вечером в воскресенье, прогуляв среду, четверг и пятницу¹⁹⁵. Так что мне за три дня прогула надо было моему начальнику участка, который очень любит поддаться... Я знаю, что в понедельник с утра у него ничего не будет и он будет иметь страдальческий вид. (Смех.) Вот тут-то я ему и всучу пару бутылок. И все мои прогулы он, конечно, проставит <нрзб>. Ну так вот, все это было в сетке. Мне бы, если б я не был дураком, надо было наоборот – бутылки завернуть, все обернуть газетой, чтобы их не было видно. Рукописи и записные книжки пусть бы так лежали в сетке. Я уснул, поскольку в Павлово-Посаде мы <нрзб> очень набрались. И мне надо было выходить в Электроуглях или в Купавне – не помню. Но я проснулся в Москве. Стоит поезд уже где-то, загнанный в тупик. Свет погас. А у меня на пальце висела эта сетка. И я просыпаюсь, у меня палец на месте – как он был в таком положении, так и есть (показывает загнутый палец), но на пальце ничего нет.

НЧ: *Гениально!*

ВЕ: То есть это был вечер поздний, вечер воскресенья, когда все магазины были уже закрыты, и народ соблазнился вином, конечно же. А все остальное просто выкинули как ненужное, зачем им это.

НЧ: *<Была ли надежда поставить пьесу?>*

ВЕ: Была надежда, но только не на Россию. Мне, например, первый читатель и очень маститый литературовед Владимир Муравьев¹⁹⁶ – он прочел и сказал: «Пожалуй, это очень даже можно поставить... допустим, в русском театре на Бродвее». Но никому и в голову не приходило – это была весна 85-го года¹⁹⁷.

¹⁹² Ерофеев зачитывает фрагмент текста, который впоследствии станет известен как «Краткая автобиография» (с небольшими изменениями). См. ее полный текст, например, в издании: Ерофеев 2003. С. 7–8.

¹⁹³ См. примеч. 2 на с. 39.

¹⁹⁴ На момент гипотетического создания «Дмитрия Шостаковича» (1972) Ерофеев работал в строительно-монтажном управлении «Россвязьстрой» в должности кабельщика-спайщика третьего разряда (Авдиев 1998. С. 157).

¹⁹⁵ См. примеч. 1 на с. 40.

¹⁹⁶ Владимир Сергеевич Муравьев (1939–2001), литературовед, переводчик, сокурсник Ерофеева по МГУ и его ближайший друг.

¹⁹⁷ Пьесу «Вальпургиева ночь, или Шаги командора» Ерофеев закончил в середине апреля 1985 года.

Жанна Герасимова: *Мы тогда как раз тогда носили Товстоногову эту пьесу*¹⁹⁸. *Помнишь? Мы у тебя взяли экземпляр, носили Товстоногову, нам тогда отказали в постановке*¹⁹⁹.

ВЕ: А, да-да.

<...>

ВЕ: Этот самый знаменитый фотограф Сычев снимал²⁰⁰. Он нас усадил, Зиновьева, меня и Войновича... нет, не Войновича, Владимирова. Посадил втроем и стал снимать очень тщательно. Мы не заметили, что у нас... Мы на скамье сидели на Рождественском бульваре. И потом, когда мы получили фотокарточки, – смотрим – действительно – сидит Зиновьев, сижу я, сидит Владимир, а сзади Лён (*изображает, как Лён стоит сзади, облокотившись на скамью*) <нрзб> улыбается²⁰¹.

<...>

ВЕ: Я удивился... Когда я лежал после вот этой второй операции в онкоцентре²⁰², мне принесла Галина газету «Известия». Советов депутатов трудящихся. И в ней впервые в советской... то есть мне еще не было пятидесяти... значит, впервые в советской печати я увидел черным по белу отпечатанными свое имя, фамилию. Это было 22 июня. Это легко запомнить. 22 июня прошлого года²⁰³.

НЧ: *Прошлого года? Только?*

ВЕ: Да, 22 июня 88-го года, очень легко запомнить, помножив двадцать два на четыре²⁰⁴ (*улыбается*). Так что еще не прошло девять месяцев. Я еще, в сущности, рождаюсь...

НЧ: *Ребенок!*

ВЕ: Да! (*улыбается*)

НЧ: *Перестройки!*

<...>

ВЕ: Потом еще раз в «Известиях» заметка о том, что готовится <нрзб> в альманахе «Весть» такая-то и такая-то повесть, которая уже давно переведена на все языки, но почему-то кроме русского²⁰⁵. Итак, потом в «Литературной газете», в разделе «Полемика» появилась

¹⁹⁸ Георгий Александрович Товстоногов (1915–1989), главный режиссер Большого драматического театра в Ленинграде.

¹⁹⁹ «Кажется, я предлагала пьесу не одному режиссеру, не только Товстоногову. Но что-то там не сложилось», – прокомментировала для нас Жанна Герасимова.

²⁰⁰ Владимир Васильевич Сычев (р. 1945), советский и французский фотограф, организатор выставок художников-нонконформистов в СССР (1974–1979).

²⁰¹ Фотография Ерофеева в компании прозаика Георгия Николаевича Владимирова (1931–2003), философа Александра Александровича Зиновьева (1922–2006), литератора Славы Лёна и других воспроизведена, например, в издании: *Владимир Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1998. Вкладка иллюстраций. Однако здесь речь идет о другом снимке, сделанном в тот же день и отличающемся тем, что Слава Лён стоит позади скамейки (соответствующий фрагмент групповой фотографии можно увидеть в издании: Гайсер-Шнитман 1989. С. 14).*

²⁰² Вторую операцию на горле Ерофеев перенес 25 мая 1988 года.

²⁰³ См. примеч. 1 на с. 62 наст. изд. На самом деле 23 июня.

²⁰⁴ Возможно, эта шутка навеяна методом запоминания чисел, который применял начальник дистанции из «Похождений бравого солдата Швейка» (о чтении в 1980-х годах романа Гашека есть запись в неопубликованном дневнике Ерофеева). Ср.: «...Я вам докажу, что очень легко запомнить какой угодно номер. Так слушайте: номер паровоза, который нужно увести в депо в Лысую-на-Лабе, – четыре тысячи двести шестьдесят восемь. Слушайте внимательно. Первая цифра – четыре, вторая – два. Теперь вы уже помните сорок два, то есть дважды два – четыре, это первая цифра, которая, разделенная на два, равняется двум, и рядом получается четыре и два. Теперь не пугайтесь! Сколько будет дважды четыре? Восемь, так ведь? Так запомните, что восьмерка в номере четыре тысячи двести шестьдесят восемь будет по порядку последней» (*Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. М., 1967. С. 489–490*).

²⁰⁵ Вторая известная нам публикация в «Известиях» за вторую половину 1988-го / январь – март 1989 года, в которой упоминается Ерофеев, не содержит упоминаний об альманахе «Весть» и переводах «Москвы – Петушков» на иностранные языки: «...неделей раньше выпуск <„Пятого колеса“> был московским – встречи с Анатолием Рыбаковым, Новеллой Матвеевой и Венедиктом Ерофеевым, автором поэмы в прозе „Москва – Петушки“. Кто читал эту „запрещенную книгу“ лет десять – пятнадцать назад? Кто читал, тот молчал. А теперь инсценировку поэмы репетирует Театр на Таганке» («Пятое колесо», или В поисках «лишних» людей и идей // *Известия. 1988. 19 августа*). Но про альманах «Весть» и издания ерофеевской поэмы за рубежом идет речь в диалоге Е. Попова и С. Чупринина в «Литературной газете», который Ерофеев упоминает дальше. Возможно, здесь мы имеем дело с абберацией, вызванной объединением нескольких публикаций: «С<ергей> Ч<упринин>»

большая статья: спор между Чуприниным и Евгением Поповым обо мне²⁰⁶. Потом еще в следующей, потом, примерно через месяц, – еще в «Литературной газете», опять же в разделе «Полемика» относительно меня²⁰⁷. Потом в «Комсомольской правде» заметка²⁰⁸, потом в «Советской культуре» заметка²⁰⁹, потом...

НЧ: Все эти встречи, все эти вечера авторские, когда они были?

ВЕ: Первый вечер был – человек отважился...²¹⁰ Это еще до первого упоминания в печати, как раз 30 апреля, вечером 30 апреля, в Вальпургиеву ночь. Накануне 1 мая. 88-го года²¹¹. Ну а потом пошли уже вечера и в Доме архитектора, потом вечер по случаю пятидесятилетия²¹², потом <притащили(?)> студенчество Литинститута вечер в Литинституте устроило. Я о большевиках очень <дурно(?)> говорил и о Владимире Ульянове публично. Так что парт-орг после выступления... Когда я отвечал на вопросы студенчества, студенчество зааплодировало, а я вижу: какая-то крупная тучная фигура встает и проходит к выходу. Оказалось, что это парторг²¹³. Впоследствии обнаружилось (*улыбается*). Потом был вечер 2 марта, недавно. Самый последний вечер в Доме культуры МГУ. Очень веселый был вечер. Присутствовали молодые поэты с этой вот своей иронической поэзией²¹⁴.

НЧ: А на телевидении какой делали вечер? Или просто снимали эти авторские вечера?

ВЕ: На телевидении только «Добрый вечер, Москва» снимал вечер 21-го октября. Ну а домой ко мне нагрянули в августе опять же 88-го. То есть все началось 22-го июня, а в августе нагрянула из Ленинграда эта веселая компания – «Пятое колесо», телевизионная программа²¹⁵.

<...> Скоро, как известили „Известия“, в составе альманаха „Вест“ придет к читателям поэма в прозе Венедикта Ерофеева „Москва – Петушки“. Наконец-то! Ее ведь, я слышал, успели уже издать чуть ли не в семнадцати странах. Е<вгений> П<опов>: Венедикт рассказывал мне, что в Финляндии его книгу правительство рекомендует изучать тамошним обществам трезвости. Этот литературный шедевр конца 60-х, эта горькая исповедь российского алкоголика имеет всемирный отклик. И только у нас на родине...» (Попов Е., Чупринин С. Возможны варианты // Литературная газета. 1988. 3 августа. С. 5).

²⁰⁶ См. предыдущее примечание.

²⁰⁷ По-видимому, подразумеваются статьи, вышедшие не через месяц, а почти через полгода после разговора Чупринина и Попова: Чупринин С. Другая проза // Литературная газета. 1989. 8 февраля. С. 4 и Урнов Д. Плохая проза // Там же. С. 4–5. Особо заметной стала резкая статья «Плохая проза», который Ерофеев уделил внимание, например, в письме сестре Тамаре, упомянув ее автора, литературоведа Дмитрия Михайловича Урнова (р. 1936), следующим образом: «...Урнов, обкакавший меня в одной из февральских Литгазет» (Ерофеев 1992. С. 140). В номерах же «Литературной газеты» за 1988 год, вышедших после статьи «Возможны варианты», имя Ерофеева упоминается дважды, но вскользь и не в разделе «Полемика» (см.: Сальвинский А. А что у вас? // Литературная газета. 1989. 31 августа. С. 7; Вознесенский А. Видеопоэма // Литературная газета. 1989. 5 октября. С. 6).

²⁰⁸ Вероятно, имеется в виду абзац, посвященный Венедикту Ерофееву, в большом интервью с его однофамильцем, писателем Виктором Ерофеевым (Ерофеев В[иктор]. В лабиринте «проклятых вопросов» // Комсомольская правда. 1989. 24 января). См. об этом также: Шмелькова 2018. С. 221.

²⁰⁹ Потемкин В. Пятое колесо // Советская культура. 1988. 19 ноября. С. 5. Восьмого декабря 1988 года Ерофеев писал сестре Тамаре: «Загляни в „Совет<скую> культуру“ за 19 ноября. Там на 5-й странице несколько очень теплых слов об Анат<олии> Рыбакове и Венед<икте> Ероф<ееве>. И совершенно наивная трактовка генезиса моей болезни <19>85 г<ода>» (Ерофеев 1992. С. 139).

²¹⁰ Вероятно, имеется в виду литератор Олег Ильич Дарк (р. 1959). См.: Шмелькова 2018. С. 112.

²¹¹ Речь идет о вечере «Два Ерофеева» (в нем также принял участие Виктор Ерофеев), который был организован поэтом Олегом Владимировичем Юдаевым (псевдоним Глеб Цвель, 1960–2006) и Олегом Дарком и состоялся 30 апреля 1988 года. Подробнее об этом см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 415–416.

²¹² По-видимому, Ерофеев говорит как о двух вечерах об одном – состоявшемся 21 октября 1988 года в Центральном Доме архитектора.

²¹³ Вечер Ерофеева в Литературном институте состоялся 17 февраля 1989 года. См., например, в воспоминаниях Н. Романовского: «В. Е. уже говорил через аппарат, и разобрать с непривычки удавалось только отдельные слова, хуже радиоглушилки. Обозвал Ленина мудаком, чем сорвал аплодисмент» (Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 421).

²¹⁴ Речь идет о вечере, состоявшемся 2 марта 1989 года в Студенческом театре МГУ (сегодня – Домовый храм святой мученицы Татианы по адресу Большая Никитская ул., д. 1). В первом отделении был показан фрагмент пьесы Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги командора». Заканчивали вечер поэты Владимир Друк, Виктор Коркия, Игорь Иргеньев. Подробнее см.: Шмелькова 2018. С. 232–233.

²¹⁵ На самом деле сюжет для телепередачи «Пятое колесо» снимался 25 июля, а вот показан был действительно в августе (см. наст. изд., с. 56).

Интервью Павлу Павликовскому (Фильм «Москва – Петушки»)²¹⁶

Несколько разговоров с Ерофеевым были сняты режиссером Павлом Павликовским²¹⁷ и кинематографистами ВВС в Москве и Абрамцеве в 1989 и 1990 годах²¹⁸ и смонтированы для документального фильма Павликовского «Москва – Петушки» (From Moscow to Pietushki). Как указывает в своей книге Наталья Шмелькова, съемки продолжались много часов, и, таким образом, можно надеяться, что в будущем исследователям станут доступны рабочие материалы к фильму и это интервью будет напечатано в значительно расширенном варианте²¹⁹. А пока что мы с любезного разрешения Павла Павликовского публикуем комментированную расшифровку той небольшой части интервью, которая вошла в его фильм.

Павел Павликовский (далее – **ПП**): *Вам не жаль, что ваша жизнь получилась так, как она получилась?*

<Ерофеев пробует ответить, но не работает голосовой аппарат, Галина Ерофеева (Носова) поправляет контакт, аппарат включается.>

Венедикт Ерофеев (далее – **ВЕ**): Мне показалось, совсем пиздец...²²⁰

ПП: *Если вам жаль, что так ваша жизнь получилась...*

ВЕ: Да нет. Жизнь получилась такой, какой она получилась. Мне наплевать.

ПП: *Вы приехали в Москву с Кольского полуострова с золотой медалью, окончив школу на отлично?*

ВЕ: Я приехал <в Москву>, как только мне было 16 лет. Как дуралей. И очень хотел поступить в Московский университет. Я думал, что это храм науки. Вот этот, который был воздвигнут в пятьдесят пятом году, ебёна мать²²¹. Я вошел. «Направо – ... (показывает мимикой) Налево – делай...!» Ну и все такое. Я подумал: «Куда-то, может, я не туда попал?»²²²

Я стал читать Лейбница, а уже, во-вторых, стал выпивать²²³. Так что ничего страшного.

ПП: *А что Лейбниц имеет общего с питием?*

²¹⁶ Подготовка текста и примечания О. Лекманова и И. Симановского.

²¹⁷ Павел Александр Павликовский (р. 1957), польский и британский кинорежиссер. Лауреат премии «Оскар» (2015).

²¹⁸ В мемуарной книге Натальи Шмельковой и дневнике Венедикта Ерофеева указаны даты некоторых дней съемки – 23 и 26 сентября 1989 года в Москве; 29 октября 1989 года и 22 января 1990 года в Абрамцеве (Шмелькова 2018. С. 283–285; Ерофеев В. Последний дневник (октябрь 1989 г. – март 1990 г.) // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 177, 190–191).

²¹⁹ Приведем здесь некоторые вопросы и ответы этих интервью, не вошедшие в фильм, но запомнившиеся Наталье Шмельковой: «На их (кинематографистов. – О. Л., И. С.) восторг, как он быстро пишет, Веничка ответил: „Да пишу быстро, когда накачивается вдохновение, а потом – подолгу молчу“. Рассказал им, как он хохотал над своим текстом, когда работал над „Шостаковичем“, когда местами любовные, не очень пристойные сцены переплетались с рассуждениями (по радио) о творчестве композитора. „Сосед за стеной решил, – рассказывает Ерофеев, – что у меня ночная гостя, и никак не мог поверить, что человек так может смеяться, находясь наедине с собой“. На вопрос Би-Би-Си, жил ли он в Петушках, Веничка ответил, что только туда наезжал, в частности для того, чтобы узаконить своего сына, родившегося там от первой жены Валентины Зимановой» (Шмелькова 2018. С. 284).

²²⁰ Реплика явно относится к неработающему аппарату.

²²¹ См. примеч. 3 на с. 32.

²²² Ср. с интервью Ерофеева Ирине Тосунян: «Кончил школу и впервые в жизни пересек полярный круг, поехал поступать в МГУ. Ехал в поезде и про себя пел песню Долматовского „Наш дворец – величая крепость науки“. Когда я пришел в эту „величавую крепость“, услышал: „По отделениям! Делай – раз! По отделениям! Делай – три! Руки по швам!“ И был немедленно разочарован» (Ерофеев 2003. С. 510). На самом деле слова песни, которую искаженно цитирует Ерофеев, были написаны Львом Ошаниным.

²²³ Ср. с рассказом самого Ерофеева в изложении Ольги Седаковой: «Поступив в МГУ, в Москве, бредя по какой-то улице, он увидел в витрине водку. Зашел, купил четвертинку и пачку „Беломора“. Выпил, закурил – и больше, как он говорил, этого не кончал. Наверное, врачи могут это описать как мгновенный алкоголизм» (Седакова О. Венедикт Ерофеев – человек Страстей // Правмир.ру. Православие и мир. 2013. 24 октября. <http://www.pravmir.ru/venedikt-erofeev-chelovek-strastej2/>). В опубликованных и неопубликованных записных книжках Ерофеева можно найти выписки из Готфрида Вильгельма Лейбница.

ВЕ (*смеется*): До чего глупый человек!²²⁴

ПП: *Как окончилась ваша карьера в университете?*

ВЕ: Очень просто. Я просто перестал ходить на военные занятия. Я сказал: «Ни хуя я на ваши военные занятия ходить не буду». Наш майор сказал: «Ерофеев, самое главное в человеке – это выправка». Я говорю: «Это фраза не ваша, это фраза Германа Геринга²²⁵. И между прочим, его в ноябре сорок шестого года повесили»²²⁶.

Вот с тех пор началась ненависть (*улыбается*). И изгнание²²⁷.

* * *

ВЕ: «<Очень> смешно! Чрезвычайно смешно! Ерофеев очень шутить любит!» Никакого трагизма они не обнаружили. Они, скоты, вообще ничего не обнаружили²²⁸.

* * *

ВЕ: Я навсегда в Абрамцеве <нрзб>. В Москве меня воротит, тошнит. Почему-то в Москве постоянно тянет меня «шлепнуть». А здесь я гуляю, как бешеный кобель, кружу по лугам(?), по сугробам, по лесам, форсирую мелкие и крупные речки...²²⁹

* * *

ПП: *Вы построили «Москву – Петушки» как Евангелие.*

ВЕ: Боже упаси! Я их написал без всякой претензии. Как, впрочем, писал и до этого, и после этого. Писал, опять же, только для ближайших друзей. Чтобы их потешить и немножко опечалить. Восемьдесят страниц потешить, а потом десять страниц настолько опечалить, чтоб они забыли о <веселье>...

ПП: *Все ваши книги кончаются ужасом?*

ВЕ: «Тит Андроник» трагедия...²³⁰ Или там «Испанская трагедия»²³¹, она кончается полной гибелью всех персонажей. А тут все-таки еще остаются в живых кое-кто (*улыбается*)²³². И

²²⁴ Ср. с репликой Ерофеева из интервью И. Тосунян: «Музыковед Леонтович тоже говорил мне: „Я что-то не понимаю, как можно одновременно и пьянствовать, и понимать сложную музыку? Одновременно интересоваться делами, которые происходят в Намибии, и стряпать бормотуху?“ Чтобы все это соединять – им и не снилось!» (Ерофеев 2003. С. 510).

²²⁵ В каком именно русском переводе и где прочитал эту фразу Ерофеев, нам установить не удалось, однако ее близкий аналог – изречение Геринга, размещенное на нацистских пропагандистских плакатах: «Nationalsozialismus ist höchste soldatische Haltung im gesamten Leben» (также содержится, например, в сборнике речей и эссе Геринга: *Gritzbach E. Hermann Göring. Reden und Aufsätze. München. 1938. S. 235*). Эту фразу можно перевести как «Национал-социализм – это высочайший боевой дух на всю жизнь» либо «Национал-социализм – это идеальная солдатская выправка во всех сферах жизни» (немецкое «*haltung*» имеет значения как «выправка», так и «отношение», в данном контексте «боевой дух»). Благодарим за консультацию Р. Никишина.

²²⁶ На самом деле Геринг избежал повешения, выпив яд 15 октября 1946 года, за день до намеченной казни. См. вариацию этого рассказа, например, в интервью Л. Прудовскому: Ерофеев 2003. С. 495, а также в «Интервью польским кинематографистам» (наст. изд., с. 74–75).

²²⁷ См. примеч. 1 на с. 47.

²²⁸ Вероятно, реплика относится к реакции публики на «Москву – Петушки».

²²⁹ Здесь и далее интервью проходило в Абрамцеве, где Ерофеев провел последние месяцы своей жизни перед госпитализацией и смертью.

²³⁰ Трагедия Шекспира «Печальнейшая римская трагедия о Тите Андронике».

²³¹ «Испанская трагедия, или Иеронимо» Томаса Кида.

²³² Речь идет о трагедии Ерофеева «Вальпургиева ночь, или Шаги командора».

вот я решил исправить эту ошибку. В пьесе, которую я намерен написать вот здесь вот, лежа вот в этой постельке, никто в живых не останется (*улыбается*)²³³.

²³³ Подразумевается неосуществленный Ерофеевым замысел пьесы «Фанни Каплан» (ср. с интервью Ерофеева Ирине Тосунян: Ерофеев 2003. С. 508).

...и...

Орехово-Зуево Документы Венедикта Ерофеева²³⁴

«Помню, лет десять тому назад я поселился в Орехово-Зуеве...» – так, подъезжая к платформе Чухлинка, Веничка Ерофеев начинает рассказ о своей деликатности²³⁵. Его электричка едет из Москвы в Петушки осенью 1969 года, – отнимем от этой даты десять лет – и обнаружим, что писатель Венедикт Ерофеев в очередной раз передал соименнику-герою часть собственной биографии. Действительно, как раз осенью 1959 года студент первого курса филологического факультета Орехово-Зуевского педагогического института (ОЗПИ)²³⁶ Венедикт Ерофеев приступил к занятиям. Поселился он, разумеется, в институтском общежитии.

Год с небольшим, когда Ерофеев числился орехово-зуевским студентом, относится к наименее исследованным периодам биографии писателя. Приобретенные здесь близкие подруги, Юлия Рунова и Валентина Еселева, мемуаров не оставили²³⁷. Сам Ерофеев не упомянул учебу в ОЗПИ в итоговой «Краткой автобиографии»²³⁸, обошел ее и в обширных интервью Дафни Скиллен и Леониду Прудовскому²³⁹. «Об Орехово-Зуеве он вообще молчал и ничего нигде не говорил», – отмечал в разговоре с нами Борис Сорокин, подразумевая уже «позднего» Ерофеева, ведь сначала, по словам Сорокина, «Веня меня страшно интриговал Орехово-Зуевом. Он там учился и рассказывал мне, какие они устраивали жуткие вещи»²⁴⁰. Про жуткие вещи Борис Сорокин говорил, конечно, с иронией – усмотреть что-то страшное в пересказываемых им байках об анархических шалостях Ерофеева и его сокурсников могли разве что начальство ОЗПИ и опекавшие институт «идеологические органы».

Как бы то ни было, тот факт, что орехово-зуевская жизнь отразилась в двух главных произведениях Ерофеева – «Москве – Петушках» и «Вальпургиевой ночи» (протагонист которой Лев Гуревич неслучайно носит фамилию сокурсника и приятеля Ерофеева по ОЗПИ), – говорит о том, что этот этап его биографии тоже заслуживает внимания.

Почему Ерофеев, выстраивая автобиографический канон, умалчивал об учебе в ОЗПИ? За какие именно проступки он был отчислен и почему вообще принял решение поступать именно в этот вуз? Об этом пока можно только гадать, перебирая скудные свидетельства, большая часть из которых сводится к байкам самого Ерофеева в изложении его впоследствии приобретенных друзей и приятелей, – взгляд через не очень надежную оптику²⁴¹.

Тем ценнее для исследователей даже немногие крохи достоверной информации, которые можно добыть об этом периоде жизни писателя²⁴². За предоставленную возможность работать с

²³⁴ Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания И. Симановского.

²³⁵ Ерофеев В. Москва – Петушки / Ерофеев 2003. С. 134.

²³⁶ Сегодня – Государственный гуманитарно-технологический университет.

²³⁷ Юлия Николаевна Рунова, биохимик; о В. Еселевой см. примеч. 1 на с. 50. Юлия Рунова не общается с исследователями Венедикта Ерофеева (впрочем, на это у нее имеются веские причины).

²³⁸ Ерофеев 2003. С. 7–8.

²³⁹ См. интервью с Л. Прудовским: «Сумасшедшим можно быть в любое время». С писателем беседовал Л. Прудовский / Ерофеев 2003, С. 489–507 и с Д. Скиллен: Венедикт Ерофеев в беседе с Дафни Скиллен (наст. изд., с. 26–55).

²⁴⁰ Из неопубликованных интервью с Борисом Сорокиным, взятых мной в 2018 году для книги «Венедикт Ерофеев: посторонний».

²⁴¹ Исключение составляют воспоминания В. Евсеева и Л. Жаровой, не входивших, впрочем, в число близких друзей Ерофеева в ОЗПИ. Об орехово-зуевском периоде Ерофеева см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 108–118.

²⁴² Отмечу, что это архивное исследование было предпринято мной прежде всего в рамках подготовки расширенного

личным делом Венедикта Ерофеева я благодарю ректора Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево) Н. Г. Юсупову и начальника архивного отдела ГГТУ Е. А. Колмогорову.

Дело № 13, Ерофеев Венедикт Васильевич

1. Медицинская справка

Медицинская справка для поступающего в высшее учебное заведение или техникум

<Дата:> 11 июля 1959 г.

1. Выдана: Поликлиникой г. Славянска²⁴³

2. Наименование вуза, куда представляется справка: Педагогический институт

3. Фамилия, имя, отчество: Ерофеев Вен<е>дикт Васильевич

4. Год рождения: 1938

5. Пол: М

6. Находится под медицинским наблюдением в данном учреждении (указать с какого и по какое время): Нет

7. Перенесенные заболевания (указать какие и когда): не болел

8. Перенесенные травмы и операции (указать какие и когда): не было

9. Состоит на диспансерном учете (указать где, с какого времени, по какому поводу): нет

10. Занимался ли физкультурой (в школе, вне школы, участие в соревнованиях, сдача норм БГТО и ГТО): <графа не заполнена>

11. Физкультурная группа: общая

12. Объективные данные и состояние здоровья в настоящий момент: противопоказаний к учебе нет. <Подпись врача>

13. Данные рентгеновских и лабораторных исследований: 11/VII Cor et pulmones²⁴⁴ в пределах рентгенологической N²⁴⁵ <Подпись врача>

14. Диагноз и давность заболевания: <графа не заполнена>

15. Дополнительные данные (острота зрения и др.): vod = 1,0 vos = 1,0²⁴⁶ ЦО N²⁴⁷ Годен <Подпись врача>

Отоларинголог – годен. <Подпись врача>

16. Произведенные предохранительные прививки (указать когда и какие): <графа не заполнена>

<Подпись врача>

<Печать: Славянская больница им. Ленина>

издания биографии «Венедикт Ерофеев: посторонний» (совместно с О. Лекмановым и М. Свердловым; выход планируется в 2023 году). Предупреждая вероятную критику, оговорюсь, что многое в приводимых справках можно было бы опустить как информацию, не дающую сведений о жизни Венедикта Ерофеева. Однако сохранить этот контекст мне кажется важным: понимание утраченного времени обретается в том числе и через его бюрократические приметы.

²⁴³ В то время Ерофеев жил в украинском Славянске у своей сестры, геолога Нины Васильевны Фроловой (Ерофеевой, 1931–2020). Н. Фролова и ее муж способствовали короткому трудоустройству Ерофеева сначала на Славянский ремонтный завод, а затем в Славянский отряд Артемовской комплексной геолого-разведочной партии. (Там же. С. 106–107).

²⁴⁴ Сердце и легкие (лат.). За консультации по медицинским вопросам я благодарю Александра Магера.

²⁴⁵ N – норма.

²⁴⁶ VOD (Visus Oculi Dextri) – зрение правого глаза; VOS (Visus Oculi Sinistri) – зрение левого глаза.

²⁴⁷ Цветовосприятие в норме.

2. Производственная характеристика № 1

Производственная характеристика на Ерофеева Венедикта Васильевича, год рождения 1938, беспартийный.

Ерофеев Венедикт Васильевич, работая со 2-го апреля 1959 года в Славянском отряде Артемовской комплексной геолого-разведочной партии в качестве рабочего, проявил себя прилежным работником, выполняющим норму выработки ежемесячно на 110–115 %.

Дисциплинирован, выполняет общественные поручения.

Мы убеждены, что тов<арищ> Ерофеев В. В. способен и достоин заниматься в высшем учебном заведении.

Начальник Артемовской комплексной геолого-разведочной партии Кашпур²⁴⁸ <Подпись>

Начальник Славянского отряда Сокирко <Подпись>

Председатель Месткома Радомышенский <Подпись>

<Печать: Артемовская комплексная геолого-разведочная партия. Главгеология УССР. Трест Артемулгеология>

3. Производственная характеристика № 2

Производственная характеристика

Выдана тов<арищу> Ерофееву Венедикту Васильевичу, рождения 1938 года, беспартийному, уроженцу Карело-Финской ССР, ст. Чупа.

Тов. Ерофеев В. В. работал в Комплексной геолого-разведочной партии треста «Артемулгеология» с 2 апреля 1959 г. в качестве рабочего.

Проявил себя прилежным, инициативным работником, выполняющим нормы на 110–115 %.

Тов<арищ> Ерофеев В. В. не имел ни одного дисциплинарного взыскания, охотно выполнял общественные поручения.

Настоящая характеристика выдана тов<арищу> Ерофееву В. В. для поступления в высшее учебное заведение.

Начальник Артемовской комплексной ГРП²⁴⁹ Кашпур Я. Н. <Подпись>

Секретарь парторганизации Островский Я. Б. <Подпись>

Председатель МК²⁵⁰ Покровский А. И. <Подпись>

<Печать: Артемовская комплексная геолого-разведочная партия. Главгеология УССР. Трест Артемулгеология>

4. Заявление о допуске к вступительным экзаменам

Директору Орехово-Зуевского
Педагогического института

²⁴⁸ Яков Николаевич Кашпур, геолог.

²⁴⁹ Геологоразведочной партии.

²⁵⁰ Местного комитета профсоюзной организации (месткома).

от рабочего Ерофеева Венедикта Васильевича

Заявление

Прошу допустить меня ко вступительным экзаменам на филологический факультет
Вашего института.

14/VII-59 г. В. Ерофеев.

5. Экзаменационный листок

<в правом верхнем углу бланка>: стаж 5 <«5» – карандашом>

Экзаменационный листок № 364

Гр.: Ерофеева Венедикта Васильевича

поступающего на: филологическое отделение в 1959 год<у>

Дисциплина	Оценка	Дата	Подпись экзаменатора
Русский язык — письменно	отлично	1/VIII.59	<Подпись>
Русский язык — устно	отлично	6/VIII.59	<Подпись>
История СССР	отлично	14/VIII.59	<Подпись>
Нем<ецкий> яз<ык>	отлично	10.08.59	<Подпись>

Решение приемной комиссии: Зачислить на 1-й курс

Секретарь: <Подпись>

<Печать>

6. Приказ о зачислении

Выписка из приказа Орехово-Зуевского педагогического института

Приказ № 366 от 25 августа 1959 г.

Зачислен студентом I курса ЕРОФЕЕВ ВЕНЕДИКТ ВАСИЛЬЕВИЧ филологический
факультет, очной формы обучения.

Начальник упр<авления> кадров: Ю. И. Кирсанов

Специалист упр<авления> кадров: Е. В. Шаманина <Подпись>

7. Приказ об отчислении

Отд<ел> кадр<ов>

Выписка из приказа № 415 (?) по Орехово-Зуевскому педагогическому институту
от 18 октября 1960 г.

§ 1

За академическую задолженность и систематическое нарушение трудовой дисциплины
студента 2-го курса филологического факультета Ерофеева В. В. отчислить из состава студен-
тов.

П/п. Зам<еститель> директора института: Назарьев²⁵¹.
Верно <Подпись>

8. Обходной лист

Отчислен из института
Обходной лист: Ерофеева
Библиотека: <Подпись>
Комендант общежития: <Подпись>
Кабинет основ м<арксизма>-л<енинизма>: <Подпись>
Кабинет педагогики: <Подпись>
Касса взаимопомощи: <Подпись>
Профком: <Подпись>
Комитет ВЛКСМ и КПСС: <Подпись>
Деканат: <Подпись>
Бухгалтерия: <Подпись>
Кабинет физкультуры: <Подпись>
Спец<иальный> кабинет: <Подпись>
16/І-61 г.
<Печать: Библиотека Орехово-Зуевского педагогического института>
<На обороте:> Аттестат зрелости № 038 996 получил В. Ерофеев

²⁵¹ Сергей Васильевич Назарьев руководил ОЗПИ в 1963–1975 годах.

Венедикт Ерофеев – адресант и адресат²⁵²

Излишне говорить о том, что личная переписка выдающегося человека не только дает богатый материал для потенциальных биографов, но и (как и любая другая) аккумулирует черты времени и среды, которым принадлежит. Публикуя здесь выборку писем, мы хотим отметить две ее особенности.

Первая состоит в открываемом ей незаурядном и густом переплетении разнообразных стилистических слоев и жизненных укладов. Отчасти это связано с тем, что Венедикт Ерофеев занимал абсолютно нетипичное место в советском социуме.

Очень разных людей, окружавших Ерофеева в середине 1970-х – начале 1980-х годов, можно условно разделить на три основные группы. Первую составляют друзья, приобретенные за многолетний период обучения в МГУ и в провинциальных вузах (Орехово-Зуевский и Владимирский пединституты), а также друзья и знакомые, через этих людей вошедшие в близкий круг Ерофеева. Вторую группу образуют люди, активно вовлеченные в правозащитную и самиздатскую деятельность (прибавим сюда же «неформальных» художников и поэтов). Плотнo в это сообщество Ерофеев вошел после завязавшейся в 1974 году дружбы с Вадимом Делоне и его женой Ириной Белогородской-Делоне²⁵³, а также с Надеждой Яковлевной Шатуновской, ее дочерью Ольгой Прохоровой (Иофе)²⁵⁴ и их многочисленными родственниками и знакомыми. И наконец, в третью относительно большую группу ерофеевских знакомых 1970-х годов можно выделить людей, окружавших его во время очередных подработок, как правило связанных с неквалифицированным физическим трудом, – геологов, рабочих и др. С людьми из третьей группы у Ерофеева лишь изредка завязывались длительные знакомства²⁵⁵.

В отличие от Владимира Войновича, Василия Аксенова и многих других писателей, начавших путь в официальной советской литературе, а затем вытесненных в неофициальную, Ерофеев не печатался и не пытался напечататься в СССР (его публикации на родине осуществились только в конце перестройки и стали фактически предсмертными). Это привело к нестандартной ситуации: хотя поэма «Москва – Петушки» широко разошлась в сам- и тамиздате, ее автор для большинства читателей продолжал оставаться загадочной фигурой и едва ли не сливался с главным героем и нарратором поэмы – Веничкой Ерофеевым. И все же Венедикт Ерофеев, не предпринимавший никаких действий для своей легализации как литератора, писателем себя осознавал и, как мы видим из его писем второй жене, болезненно реагировал на отсутствие признания и понимания случайным читателем.

До последних лет находясь вне широкой писательской среды²⁵⁶, Ерофеев внимательно следил за современным ему литературным процессом. Публикуемая переписка с Вадимом Делоне демонстрирует, что он очень энергично и последовательно охотился за новинками рус-

²⁵² Составление, подготовка текста, предисловие и примечания О. Лекманова и И. Симановского.

²⁵³ Вадим Николаевич Делоне (1947–1983) – поэт, диссидент, и его жена Ирина Михайловна Белогородская-Делоне, инженер, правозащитница. Вынужденно эмигрировали в 1975 году.

²⁵⁴ Надежда Яковлевна Шатуновская (1921–1982), правозащитница, и Ольга Юрьевна Прохорова (Иофе), правозащитница, политзаключенная (обе вынужденно эмигрировали в 1978 году). Ерофеев эпизодически жил у Н. Шатуновской в середине 1970-х годов («...та, у которой Бен (т. е. Венедикт Ерофеев. – О. Л., И. С.) спасался», – так охарактеризовала Шатуновскую Лидия Любчикова (из неопубликованного письма Л. Любчиковой семье Петяевых; архив Анны Петяевой); см. также воспоминания И. Белогородской-Делоне: <https://vadim-delaunay.org/about>).

²⁵⁵ Одним из редких исключений стал геолог Сергей Владимирович Филиппов (р. 1953), познакомившийся с Ерофеевым во время геологической экспедиции на Кольском полуострове. С ним нам удалось поговорить, эта информация использована при комментировании соответствующих писем.

²⁵⁶ Эта ситуация начала медленно меняться в 1980-е, сперва благодаря энтузиазму таких людей, как Слава Лён, а затем благодаря первым публикациям в Советском Союзе.

ской²⁵⁷ и зарубежной поэзии и прозы, а еще активнее – за изданиями, углублявшими его немалую эрудицию в сфере поэзии и мемуаристики конца XIX – начала XX веков.

У Ерофеева получилось почти невозможное – занять нишу европейского интеллектуала, не конфликтуя с советской властью, но и не прогибаясь под ее идеологию, а фактически ее не замечая. Советский рабочий получает свежие новости из Вены и Парижа об издании своей книги на французском языке и просит в счет гонорара выслать ему мемуары Деникина и Врангеля. Эта сюрреалистическая ситуация могла бы вызвать улыбку, если бы не оборотная сторона такой жизни. Ее мы видим в письмах первой жены Венедикта Ерофеева, Валентины Ерофеевой (Зимаковой)²⁵⁸, обнаруживающих тоскливую нищету тогдашней русской действительности. Время от времени проступает она и из писем самого Ерофеева.

Вторая важная особенность ерофеевских писем состоит в их несомненной литературности. Вероятно, отчасти это объясняется тем, что наибольшую сложность для писателя представлял поиск сюжета будущего произведения, в рамках которого могли быть использованы многочисленные заготовки из непрерывно заполнявшихся им записных книжек²⁵⁹. После удаchi «Москвы – Петушков» (1970), сюжет которых, по-видимому, сложился на удивление быстро, и почти бессюжетного эссе о Розанове (1973)²⁶⁰ Ерофеев-писатель замолчал на долгие годы – структура нового произведения никак не складывалась. Не имея возможности донести до читателя свои литературные находки, он отчасти реализовывал эту потребность в письмах, которые, так же как и его неэпистолярные произведения, составлялись с использованием записных книжек в качестве питающего материала. В некоторых случаях мы подчеркиваем это, приводя в примечании соответствующий отрывок из «параллельной» переписки записной книжки.

Составляя этот раздел, мы, конечно же, не ставили целью представить максимально полный свод писем, имеющих отношение к Ерофееву. Здесь помещены лишь самые, на наш взгляд, интересные из них, кроме тех, публикация которых потребовала бы слишком большого количества купюр в связи с подробностями личного характера. Также мы решили отдать предпочтение никогда не публиковавшимся письмам, сделав исключение для тех, которые здесь печатаются в значительно дополненном комплекте: это переписка Ерофеева с женой Галиной Ерофеевой (Носовой)²⁶¹ и письмо венгерской переводчице Эржебет Вари²⁶².

Письма даются нами в авторской орфографии, за исключением случаев очевидных ошибок, не несущих в себе примет авторского стиля. В нескольких местах по причинам этического характера мы прибегнули к купюрам, которые каждый раз в тексте письма обозначаются <...>. Все разделы переписки предварены короткими справками.

Кроме особо оговоренных случаев, все письма печатаются нами по рукописям или ксероксам рукописей из личного архива Венедикта Ерофеева, предоставленным Галиной Анатольевной Ерофеевой и Венедиктом Венедиктовичем Ерофеевым. Им мы приносим глубокую благодарность.

Мы благодарим за помощь в работе Анну Авдиеву, Марину Алхазову, Балинта и Ивана Байоми (Bajomi Bálint, Bajomi Iván), Ирину Белгородскую-Делоне, Николая Болдырева, Владимира Векслера, Татьяну Галкину, Елену Генделеву-Курилову, Владимира и Дмитрия Герасименко, Марка Гринберга, Александра Давыдова, Елену Даутову, Сергея Дедюлина, Алек-

²⁵⁷ В первую очередь, конечно, неподцензурными.

²⁵⁸ См. примеч. 2 на с. 38.

²⁵⁹ См. его свидетельство о трудном поиске сюжета в интервью Дафни Скиллен (наст. изд., с. 41).

²⁶⁰ Вынесем за скобки дискуссию о существовании написанного Ерофеевым и утерянного в начале 1970-х произведения «Димитрий Шостакович».

²⁶¹ См. примеч. 7 на с. 72.

²⁶² Из писем Ерофеева, опубликованных в других изданиях, отметим обширный блок писем, отправленных им сестре Тамаре Гущиной, а также письма Светлане Гайсер-Шнитман (Шнитман-МакМиллин) и Наталье Шмельковой (Ерофеев 1992. С. 122–144; Гайсер-Шнитман 1989. С. 19–23; Шмелькова 2018. С. 59–61).

сандра Долинина, Данилу Дубшина, Алену (Елену) Делоне-Ильи (Delaunay-Ely), Виктора Ерофеева, Галину А. Ерофееву, Жофию Калавски (Kalavszky Zsófia), Михаила Кициса, Виктора Кондырева, Наталью Коноплеву, Александра Кротова, Александра Лаврина, Рому Либерова, Аэлилу Личман, Наталью Логинову, Алексея Макарова и «Международный Мемориал», Андрея Мешавкина, Михаила Минца, Бориса Миссиркова, Алексея и Татьяну Муравьевых, Юрия Ноговицына, Светлану Огневу, Николая Подосокорского, Евгения Попова, Ольгу Прохорову (Иофе), Иду Резницкую, Николая Савельева, Юлию Садовскую, Ольгу Седакову, Моник Слодзян (Monique Slodzian), Габриэля Суперфина, Алексея и Михаила Тихомировых, Марию Тихонову, Рушанью (Розу) Федякину, Сергея Филиппова, Марину Фрейдкину, Елизавету Цитовскую, Нину Черкес-Гжелоньскую, Екатерину Четверикову, Сергея Шаргородского, Евгения Шенкмана, Светлану Шнитман-МакМиллин, Евгения Шталя, Ксению Щедрину, а также сотрудников издательства YMCA-PRESS («ИМКА-ПРЕСС») и книжного магазина Les Éditeurs Réunis.

Словами благодарности хотелось бы вспомнить правозащитника и художника-реставратора Сергея Александровича Шарова-Делоне, ушедшего от нас в 2019 году. Предполагая скорое издание писем и дневников Венедикта Ерофеева, мы успели целенаправленно расспросить его о подробностях его жизни в Абрамцево и семье Делоне – и этот замечательный человек помог нам со всегда присущими ему доброжелательностью, отзывчивостью и профессионализмом. Его помощь помогла нам и при комментировании этого раздела. Вечная ему память.

Переписка с Вадимом Делоне и Ириной Белогородской-Делоне

Москва, Абрамцево – Вена, Париж. 1975 (?) – 1979

Дружба с Вадимом Делоне и его семьей сыграла в жизни Ерофеева особую роль. Талантливый поэт, человек с яркой биографией, участник знаменитой «демонстрации семерых» на Красной площади 25 августа 1968 года, Делоне был поклонником и популяризатором творчества Ерофеева: в частности, из его рук получил текст поэмы «Москва – Петушки» Сергей Довлатов.

Делоне и его жена Ирина поспособствовали осуществлению одного из заветных желаний Ерофеева – жить в загородном доме, не теряя связи с интеллектуальными кругами. Через семью Делоне он приобщился к поселку академиков Абрамцево и много счастливых дней провел в абрамцевском доме деда Вадима – известного математика, члена-корреспондента АН СССР Бориса Николаевича Делоне (1890–1980)²⁶³. Ирина Белогородская-Делоне помогла Венедикту Ерофееву и его жене Галине восстановить утраченные беспечным писателем документы²⁶⁴. В жестких условиях тогдашнего СССР, где человеку без паспорта жить было практически невозможно, это было немалым благодеянием. Через семью Делоне Ерофеев тесно познакомился со многими диссидентами. Оказавшись в эмиграции за границей, Вадим и Ирина снабжали автора «Москвы – Петушков» редкими и недоступными в Советском Союзе книгами и вещами. И наконец, *last but not least*, муж и жена Делоне взялись за устройство сложнейших и запутанных вопросов, связанных с тамиздатскими публикациями Ерофеева и гонорами за них.

²⁶³ Подробнее о дружбе Ерофеева с Б. Делоне и его жизни в Абрамцево см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 282–284, 289–290, 326–331, 333–334, 338–342, 427, 429.

²⁶⁴ Там же. С. 285.

Вадим – Венедикту. Конец 1975 или начало 1976 года²⁶⁵

Здравствуйте, Венедикт Васильевич!

Прав был Ницше (Валерий)²⁶⁶, говоря обо мне, что переезд для меня не так уж и страшен – потому как живу я своими кошмарами и внутренним несоответствием внешней среде; а где жить этими ощущениями – все равно, ибо ощущения от перемещений меняются мало. Вижу, как ты морщишь свою благообразно-похмельную морду и вещаешь: «О как закрутил, дурачок!» Ну да ладно, морщись на здоровье, все равно от порвейна²⁶⁷ больше морщишься, но ведь пьешь, так что читай.

Кроме прочего, действительно помогла мне вся эта таможенная суета, ибо за что путное можно и пострадать малость, но волокиты эти бюрократические, которые и тебя сейчас окружают²⁶⁸, до того омерзительны, что хочется бежать от них без оглядки. Первый день было, правда, страшновато, но и любопытство помогало: все я из окна отельчика выглядывал: «что, мол, там немчура делает?» А немчура как немчура, степенная такая публика. В метро ихнее или в какой домходишь – дверь перед тобой держат, даже бабы, чтоб не ебнуло (тоже мне забота: подумаешь, дверью стукнет, не ломом же оглоушит). В общем я малость оклемался, разгуливаю по Вене, плюю (в урны, конечно)²⁶⁹, корчу весьма любезные рожи здешней публике и цежу сквозь зубы «экскюзьми вери мач» или «фэнькью», а они в ответ «данке шён»²⁷⁰, а что до того и после этого, ни х-я не поймешь. По городу ездим каждый раз, «в центр через Сокольники»²⁷¹, но городок Москвы поменьше и, слава Богу, к ночи до дому добираемся. Водок и вин тут, Веня... и ни одного человека в очереди. Цены и впрямь, как Мишка писал, какие-то басурманские, не как у людей²⁷². Две пачки сигарет, или четыре поездки на трамвае, или две чашки кофе по отдельности стоят столько же, сколько бутылка виски. Можно тут и ночью нажраться, но это пока недоступно, ибо в предназначенных для этой цели заведениях цены сногшибательные, а магазины закрываются в 6, в воскресенье вообще не работают. Может, публика здешняя и чем другим занимается, но впечатление такое, что они только жрут и тор-

²⁶⁵ Дата письма неизвестна, но из содержания понятно, что оно написано вскоре после эмиграции семьи В. Делоне, в Вене, где, по свидетельству Ирины Белгородской-Делоне, они пребывали с середины ноября 1975 до конца марта 1976 года (*Крохин Ю. Души высокая свобода. Вадим Делоне. Роман в протоколах, письмах и цитатах. М., 2001. С. 200*).

²⁶⁶ Валерий Анатольевич Сендеров (1945–2014), математик и правозащитник; политзаключенный (1982–1987). Был знаком с Ерофеевым. Ницше – студенческое прозвище В. Сендерова, возникшее от увлечения философией на старших курсах физтеха. См. о нем: *Делоне В. «Передай этот крест Ницше...»* (Мой друг Валерий Сендеров) // *Русская мысль*. 1983. 8 апреля. (<https://vadim-delaunay.org/letters#2>).

²⁶⁷ Так! – О. Л., И. С. Вероятно, слово из шуточного языка, используемого Ерофеевым и Делоне.

²⁶⁸ На 1975 – начало 1976 года пришлось восстановление Ерофеевым документов – паспорта и военного билета, а также получение московской прописки. Кроме того, приходилось решать проблемы с трудовой книжкой.

²⁶⁹ Намек на цитату из песни «Два письма» Владимира Высоцкого (любимого и Ерофеевым и Делоне): «Тут стоит культурный парк по-над речкою, / В ём гуляю – и плюю только в урны я. / Но ты, конечно, не поймешь – там, за печкою, – / Потому – ты темнота некультурная» (*Высоцкий В. Соч.: В 2 т. Т. 1, Екатеринбург, 1997. С. 138*).

²⁷⁰ В пародийном обыгрывании слабого знания советским человеком иностранных языков не исключено цитирование Галича: «В общем, все сказал по-тихому, / Не ревел. / Он ответил мне по-ихому: / „Верил вел!“ <...> „Думал вдарить, бя, по ближнему, / В дамки шел?!“ / Он с земли мне по-английскому: / „Данке шен!“» («Отрывок из репортажа о международной товарищеской встрече по футболу между сборными командами Великобритании и Советского Союза»: *Галич А. Соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М., 1999. С. 198–199*).

²⁷¹ То есть «плохо ориентируемся», «выбираем не оптимальный путь». По-видимому, этот оборот был устойчивым в Москве 1970-х годов. См., например: «А еще он присматривает „пиджаков“. Вокзальщики так называют людей из провинции, таких вот, как эта бабушка, кто не знает Москвы, кого можно везти в центр через Сокольники» (*Андреев В. Город не кончается* (повесть). 1971. С. 61).

²⁷² Мишка – Михаил Николаевич Делоне (1952–2002), математик, брат Вадима Делоне. Михаил Делоне вынужденно эмигрировал в том же 1975 году, что и Вадим, но немногим ранее.

гуют, куда ни плюнь – везде то кафе, то лавка, то каба́к, то магазин²⁷³. Меня тут иногда с грехом пополам переводят на их басурманское наречие, но то, что я долдоню в их мохнатые уши²⁷⁴, не очень-то до цели доходит. Однако принимают хорошо и угощают всячески. Кругом композиторы в виде памятников понаставлены, а в Галерее ихней разных Рембратов²⁷⁵ полно, а народу ни души²⁷⁶. Так что, думаю, ты в ихнем искусстве куда больше прешь, чем они сами. В общем пока не сильно скучаем, за исключением, конечно, тебя, Галки, Прохоровых-Иоффе, Деда, Юлика с семейством²⁷⁷, Ницше, а в остальном, как сказал мне один умный человек (здесь): «Лучше умереть от тоски по Родине, чем от ненависти к ней»²⁷⁸.

Обнимаю тебя и всех вышеперечисленных, Кыса²⁷⁹ тебя целует.

Не пей!.. порвейна!

Искренне твой Вадим

Венедикт – Вадиму и Ирине. 20(?) и 24 сентября 1977 года

24/IX.

Милые ребятишки-делонята,

мне только что сообщили, что оказия вот-вот исчезает из Москвы, поэтому вам хоть одну страницу. Не знаю, написала ли вам что-нибудь Галина Носова, я ее не вижу неделю, ее, дурочку, вместе с ее кандидатской степенью, услали копать картофель в Волоколамский район²⁸⁰

²⁷³ См. в «Москве – Петушках»: «Стоит только Эйфелева башня, а на ней генерал де Голль, ест каштаны и смотрит в бинокль во все четыре стороны. А какой смысл смотреть, если во всех четырех сторонах одни бардаки!.. По бульварам ходить, положим, там нет никакой возможности. Все спуют – из бардака в клинику, из клиники опять в бардак» (Ерофеев В. Москва – Петушки / Ерофеев 2003. С. 181).

²⁷⁴ См. песню А. Галича «Баллада о стариках и старухах, с которыми я вместе жил, лечился и отдыхал в кардиологическом санатории областного Совета профсоюзов в 110 километрах от Москвы»: «Я твердил им в их мохнатые уши / В перекурах за сортирной дверью: / „Я такой же, как и вы, только хуже!“ / И поддакивали старцы, не веря» (Галич А. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 259).

²⁷⁵ Так! – О. Л., И. С.

²⁷⁶ Подразумевается знаменитый венский Музей истории искусств (Kunsthistorisches Museum).

²⁷⁷ Галка – Галина Ерофеева (Носова); Прохоровы-Иоффе – Ольга Прохорова (Иофе), ее муж актер и правозащитник Валерий Иванович Прохоров (р. 1939) и их семья; Дед – Б. Делоне; Юлик с семейством – Юлий Черсанович Ким (р. 1936), поэт, драматург, бард, и его семья.

²⁷⁸ Имеется в виду писатель Виктор Некрасов, с которым Делоне встретился в Вене вскоре после прибытия. См. в опубликованном донесении заместителя председателя украинского КГБ С. Крикуна: «...касаясь мотивов своего выезда за границу, Некрасов заявил, что он решился на этот шаг, так как считает, что „лучше умереть от тоски по Родине, чем от ненависти к ней“» (Хазан Л. [составитель]. Виктор Некрасов. Арестованные страницы: Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ. Киев, 2014. С. 173). В интервью Джону Глэду Некрасов преподносит эту сентенцию как цитату из своего знакомого (Глэд Д. Беседы в изгнании – Русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 270). Пасынок Некрасова Виктор Кондырев в разговоре с нами присоединился к мнению, что автором этого афоризма Некрасов не был.

²⁷⁹ Домашнее прозвище Ирины Белгородской-Делоне, данное ей Вадимом, – производное от Кассандры.

²⁸⁰ Речь о практике командировок сотрудников научных предприятий на работы в колхоз. Галина Ерофеева (Носова) была кандидатом экономических наук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.